Артур Шанс

ШТАММ НОЛЬ

Артур Шанс

Штамм Ноль

«Автор»
2026

Шанс А.

Штамм Ноль / А. Шанс — «Автор», 2026

Москва, 2037 год.В подмосковном лесу обнаруживают животное, заражённое неизвестной болезнью. Вскоре первые случаи странной инфекции появляются среди людей.Фельдшер Илья Морозов пытается разобраться в происходящем, но после исчезновения напарника оказывается втянут в опасное расследование.Инженер метрополитена Мария Данилова обнаруживает следы секретных операций в подземных коммуникациях Москвы. Закрытые станции, таинственные перевозки и засекреченные объекты ведут к эксперименту, последствия которого могут уничтожить город.Пока власти пытаются удержать ситуацию под контролем, героям предстоит выяснить, кто стоит за распространением инфекции и можно ли остановить катастрофу.«Штамм Ноль» — научно-фантастический триллер о смертельно опасной тайне, человеческом выборе и цене спасения.

© Шанс А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЛЕС 6
Тот, кто стучал 6
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ГОРОД 63
Конец ознакомительного фрагмента. 70

Артур Шанс
Штамм Ноль

Артур Шанс
ШТАММ НОЛЬ
Роман • Москва и Подмосковье, 2037 год

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЛЕС
ПРОЛОГ

Тот, кто стучал

Московская область. 8 ноября 2037 года.

03:14

Первый удар раздался, когда Тамара Павловна снимала с плиты чайник.

Глухой, тяжёлый.

Она замерла.

Дом стоял на самом краю деревни Сосновый Лог. За огородом начинался лес, тянувшийся на десятки километров. По ночам здесь было тихо. Иногда кричали совы, лаяли собаки, а на морозе потрескивали деревья.

Но сейчас кто-то стучал в дверь.

Раздался второй удар.

Тамара Павловна посмотрела на часы.

Три четырнадцать.

— Кто там?

Ответа не последовало.

Она поставила чайник на стол, взяла телефон и подошла к входной двери.

За матовым стеклом виднелось тёмное пятно.

Слишком большое для человека.

— Коля? Это ты?

Сосед Николай иногда приходил ночью, если у него отказывал котёл. Мужчина был широкоплечий, почти двухметрового роста, и в толстой зимней куртке вполне мог выглядеть так.

Но Николай обычно звонил заранее.

Третий удар.

Стекло дрогнуло.

Тамара Павловна медленно отступила.

Тёмное пятно за дверью сдвинулось. Теперь стало видно, что оно значительно выше человеческой головы.

Она подняла телефон и открыла изображение с камеры наблюдения.

На экране появилась картинка с крыльца.

Женщина не сразу поняла, что видит.

Перед дверью стоял медведь.

Огромный бурый медведь.

Он поднялся на задние лапы и упёрся одной передней лапой в косяк. Другая лапа медленно двигалась возле дверной ручки.

От этого движения и возникали удары.

Тамара Павловна вскрикнула и отшатнулась.

Медведь опустился на четыре лапы.

Камера передавала изображение с задержкой. На экране животное ещё стояло у двери, а в действительности уже раздался скрежет когтей по деревянной обшивке.

Женщина набрала экстренный номер.

— Служба спасения. Что у вас произошло?

— Медведь, — прошептала она.

— Повторите, пожалуйста.

— У меня на крыльце медведь.

— Назовите адрес.

Она назвала.

Пока оператор уточняла подробности, Тамара Павловна смотрела на изображение с камеры.

Медведь отошёл от двери.

Повернул голову.

И женщина увидела его морду.

Вокруг пасти шерсть слиплась в тёмные комки. На шее виднелись участки голой кожи. Животное тяжело дышало, раскрывая пасть, хотя на улице стоял мороз.

— Закройтесь в помещении, — говорила оператор. — Не приближайтесь к окнам и дверям. Помощь направлена.

Медведь опустил голову.

Несколько секунд он стоял неподвижно.

Потом начал медленно раскачиваться из стороны в сторону.

Тамара Павловна вспомнила, как в детстве видела медведя в старом зоопарке. Тот тоже раскачивался, часами повторяя одно движение.

Но этот не был заперт в клетке.

Он стоял перед её домом.

И вдруг бросился на дверь.

Удар оказался такой силы, что со стены упала фотография покойного мужа.

Тамара Павловна закричала.

— Он ломает дверь!

— Оставайтесь на линии.

Второй удар.

Треснула дверная коробка.

Женщина побежала в спальню, захлопнула дверь и задвинула комод.

На экране телефона камера показывала пустое крыльцо.

Медведь исчез из поля зрения.

Из прихожей донёсся треск.

Затем что-то тяжёлое упало на пол.

Тамара Павловна зажала рот ладонью.

В доме стало тихо.

Она прислушалась.

Сначала раздалось тяжёлое дыхание.

Затем — звук когтей по линолеуму.

Медведь был внутри.

Женщина посмотрела на окно спальни.

Снаружи — небольшой огород, забор и лес.

Если открыть раму, можно выбраться наружу. Высота небольшая, всего полтора метра.

Она осторожно подошла к окну.

За спиной скрипнул пол.

Тамара Павловна обернулась.

По другую сторону двери кто-то медленно провёл когтями по дереву.

Сверху вниз.

Потом ещё раз.

Она открыла окно.

В комнату ворвался ледяной воздух.
Женщина поставила ногу на подоконник.
И услышала за дверью звук, от которого похолодела сильнее, чем от ноябрьского ветра.
Не рычание.
Не скрежет.
Тихое, прерывистое поскуливание.
Почти человеческий плач.
Она замерла.
Медведь ударил в дверь.
Комод сдвинулся.
Тамара Павловна выпрыгнула в снег.
Приземлилась неудачно. В правой ноге вспыхнула боль.
Она попыталась встать, но колено подогнулось.
Из прихожей донёсся звон разбитого стекла.
Внутри дома что-то грохнуло.
Женщина поползла к забору.
За несколько метров до калитки она услышала позади знакомое тяжёлое дыхание.
Медведь выбрался из дома.
Тамара Павловна не стала оборачиваться.
Она ползла, хватаясь за мёрзлую траву под снегом.
До калитки оставалось совсем немного.
Вдруг дыхание прекратилось.
Женщина остановилась.
Несколько секунд ничего не происходило.
Потом за спиной раздался глухой удар.
Она повернула голову.
Медведь лежал на боку возле крыльца.
Его лапы дёргались.
Пасть была раскрыта, грудь тяжело вздымалась.
Тамара Павловна смотрела, не понимая, что происходит.
Животное попыталось подняться.
Один раз.
Другой.
Затем его голова упала в снег.
Оно затихло.
Женщина заплакала.
Не от облегчения.
От страха.
Потому что даже издалека видела: под шерстью на шее медведя что-то двигалось.
Будто сильная судорога пробегала по мышцам.
Одна лапа медленно согнулась.
Потом распрямилась.
Тамара Павловна поползла дальше.
Она добралась до калитки, когда в деревне наконец завыла первая сирена.
* * *
В шесть утра на место прибыли сотрудники охотнадзора и ветеринарной службы.
Медведь лежал возле крыльца.
Он был мёртв.
По крайней мере, так показалось приехавшим специалистам.

Его погрузили в специальный транспорт и увезли на исследование.

В предварительном отчёте указали:

«Поведение животного нехарактерно для вида. Выраженное истощение. Повреждения кожного покрова. Предположительно тяжёлое инфекционное заболевание».

Видеозапись с камеры Тамары Павловны забрали для проверки.

К полудню ролик уже появился в нескольких районных чатах.

К вечеру его посмотрели больше двух миллионов человек.

Под видео смеялись.

Писали, что это монтаж.

Шутили, будто медведь перепутал деревню с гостиницей.

Только один комментарий почти никто не заметил.

Его оставил пользователь без фотографии и имени.

«Это уже третий. Не трогайте животных. И не отвозите их в Москву».

Через семь минут комментарий исчез.

А ночью на территории ветеринарного комплекса сработала пожарная сигнализация.

В помещении, где находилось тело медведя, охранник обнаружил распахнутую дверь холодильной камеры.

На полу лежал пластиковый контейнер с повреждённой крышкой.

Сотрудник решил, что кто-то нарушил правила хранения.

Он наклонился, чтобы поднять контейнер.

И заметил тёмную полоску у края перчатки.

Сначала он решил, что испачкался.

Но полоса тянулась из-под манжеты.

Тёмный след виднелся на открытом участке кожи у запястья.

Охранник снял её.

Посмотрел на ладонь.

И вдруг почувствовал, что ему очень холодно.

Хотя в помещении было плюс восемнадцать.

ГЛАВА 1
Вызов
Московская область. 9 ноября 2037 года.

07:42

Илья Морозов ненавидел две вещи: холодный кофе и вызовы под конец смены.

В то утро он получил и то и другое.

— Морозов, собирайся, — сказала диспетчер.

Илья посмотрел на часы.

Без восемнадцати восемь.

— Света, я через двадцать минут должен быть дома.

— Поздравляю.

— У меня смена закончилась.

— А у людей жизнь пока нет.

Он вздохнул.

— Что случилось?

— Сосновый Лог. Мужчина, сорок девять лет. Высокая температура, спутанность сознания. Родственники говорят, что вчера он помогал спасателям после нападения медведя.

Илья замолчал.

— Какого ещё медведя?

— Ты новости совсем не смотришь?

— Последние сутки я пытался работать.

— Значит, посмотришь потом. Машина уже готова.

Связь оборвалась.

Илья поставил пластиковый стакан на подоконник.

Кофе остыл настолько, что на поверхности появилась тонкая плёнка.

— И кто тебя просил соглашаться на дополнительные смены? — спросил напарник.

Артём Седов сидел за столом и пытался открыть упаковку печенья.

— Ипотека, — ответил Илья.

— Убедительная причина.

— Самая убедительная.

Илье было тридцать семь.

Когда-то он работал военным фельдшером. Служил в нескольких гарнизонах, бывал в командировках и слишком рано научился отличать опасную тишину от обычной.

Пять лет назад он уволился.

Теперь работал в скорой помощи в Дмитрове, снимал небольшую квартиру и раз в месяц обещал себе начать нормальную жизнь.

Пока не получалось.

Он надел куртку, проверил содержимое медицинского рюкзака и вышел во двор станции.

На улице шёл мокрый снег.

Серое небо нависало так низко, будто крыши домов подпирали его.

Водитель скорой, шестидесятилетний Виктор Петрович, курил рядом с машиной.

— Поехали, герои, — сказал он. — Пока нас там не съели.

— Ты хоть знаешь, куда едем? — спросил Артём.

— Знаю. В деревню, где медведи научились звонить в дверь.

— Очень смешно.

— Мне тоже вчера было смешно. Пока видео не посмотрел.

Виктор Петрович затушил сигарету и сел за руль.

* * *

По дороге Илья открыл новости.

Видео было коротким.

Медведь стоял на крыльце деревенского дома.

Поднимал лапу.

Ударял по двери.

Потом внезапно бросался на неё всей массой.

Ролик обрывался.

— Бешенство? — предположил Артём, заглянув через плечо.

— Не знаю.

— А что ещё?

— Я не ветеринар.

— Но с виду?

Илья пересмотрел видео.

Ему не нравилось, как двигалось животное.

Медведь выглядел плохо. Шерсть местами отсутствовала. Дыхание было тяжёлым. Задние лапы подрагивали.

Но самое странное заключалось не в этом.

Прежде чем напасть на дверь, животное несколько секунд стояло абсолютно неподвижно.

Не нюхало воздух.

Не оглядывалось.

Будто на мгновение утратило способность реагировать на происходящее.

— С виду, — наконец ответил Илья, — оно серьёзно больно.

— Бешенство?

— Я сказал то, что сказал.

Артём пожал плечами.

— Ладно. Спрошу у интернета.

— Только диагноз по комментариям не ставь.

Они свернули с основной дороги.

Лес подступил вплотную к обочине.

Высокие ели стояли неподвижно под мокрым снегом.

Между деревьями тянулись узкие тёмные просветы.

Илья смотрел в окно и думал, что не любит эти места.

В обычный день здесь было красиво.

Но когда начинало темнеть, лес превращался в нечто совершенно другое.

Человек видел только первые несколько метров.

Всё остальное существовало где-то за пределами зрения.

* * *

Дом пациента находился возле старой автобусной остановки.

Небольшой, обшитый жёлтым сайдингом.

Во дворе стояла разбитая «Нива».

На калитке висела табличка:

«ОСТОРОЖНО, ЗЛАЯ СОБАКА».

Собаки не было.

Возле крыльца скорую встретила женщина лет сорока пяти.

На ней были домашние штаны, зимняя куртка и мужские резиновые сапоги.

— Быстрее, пожалуйста, — сказала она. — Он совсем плохой.

— Кто болеет?

— Муж. Николай.

— Когда началось?

— Ночью. Сначала говорил, что замёрз. Потом температура поднялась. А утром начал какую-то ерунду нести.

— Какую?

Женщина посмотрела на дом.

— Говорит, будто слышит медведя.

Илья обменялся взглядом с Артёмом.

— Пойдёмте.

В прихожей пахло лекарствами и крепким чаем.

На полу стояли грязные ботинки.

Из комнаты доносилось тяжёлое дыхание.

Пациент лежал на диване.

Крупный мужчина с широкими плечами.

Лицо красное, волосы мокрые от пота.

Он смотрел в потолок.

— Николай, здравствуйте, — сказал Илья. — Я фельдшер. Сейчас осмотрим вас.

Мужчина не ответил.

Илья приблизился.

— Вы меня слышите?

Глаза пациента медленно повернулись к нему.

— Слышу.

Голос был хриплым.

— Как вас зовут?
— Николай.
— Фамилия?
— Зорин.
— Хорошо. Где мы сейчас находимся?
— Дома.
— Какой сегодня день?
Николай задумался.
— Понедельник?
Илья посмотрел на Артёма.
Тот уже доставал оборудование.
— Что произошло вчера? — спросил Илья.
Николай облизнул пересохшие губы.
— Медведь пришёл.
— Вы его видели?
— Видел.
— Близко?
— Близко.
Мужчина начал дрожать.
Сначала слегка.
Потом сильнее.
Его жена шагнула к дивану.
— Коля, тебе холодно?
— Не подходи.
— Я просто одеяло поправлю.
— Не подходи!
Он произнёс это так резко, что женщина вздрогнула.
Илья осторожно положил руку пациенту на плечо.
— Николай. Смотрите на меня.
Мужчина повернул голову.
Илья заметил возле его ключицы тёмное пятно.
Оно частично скрывалось под воротом футболки.
— У вас здесь синяк?
— Где?
— На груди.
Николай опустил глаза.
— Не знаю.
Илья попросил разрешения осмотреть кожу.
Пятно было неправильной формы.
Почти чёрное в центре, по краям уходило в багровый оттенок.
Ниже обнаружилось ещё одно.
Артём нахмурился.
— Ударился?
— Нет, — ответила жена. — Он вчера помогал соседке после нападения. Вытаскивал её через калитку, пока спасатели ехали.
— Медведь его ранил?
— Не знаю.
Илья посмотрел на пациента.
— Николай, животное вас кусало? Царапало?

Тот молчал.

— Это важно.

Николай медленно поднял правую руку.

На предплечье под засохшей повязкой виднелись четыре длинные царапины.

— О забор, — сказал он.

— Уверены?

— Да.

Илья аккуратно осмотрел повреждения.

Ему не понравилось, что кожа вокруг них выглядела воспалённой, а рядом проступали новые тёмные участки.

— Артём, готовь транспортировку.

Напарник поднял голову.

— В инфекционное?

— Сначала согласуем с диспетчером. Состояние тяжёлое.

Жена пациента побледнела.

— Это из-за медведя?

— Пока рано говорить.

Николай вдруг схватил Илью за запястье.

С неожиданной силой.

— Не везите меня.

— Отпустите руку.

— Не везите!

Илья почувствовал, как пальцы мужчины сжимаются.

— Николай, послушайте. Вам необходима помощь.

— Они уже забрали его.

— Кого?

— Медведя.

— Животное отправили на исследование?

Николай закивал.

Затем начал смеяться.

Смех быстро перешёл в кашель.

— Думают, что он один.

В комнате стало тихо.

— Кто думает? — спросил Илья.

Пациент посмотрел ему прямо в глаза.

— Все.

За окном послышался собачий лай.

Николай вздрогнул.

Илья осторожно высвободил руку.

— Артём, носилки.

— Уже несу.

Мужчина снова уставился в потолок.

— Они из леса идут.

* * *

Когда Николая вынесли во двор, возле калитки стояли несколько соседей.

Кто-то снимал происходящее на телефон.

Илья попросил освободить проход.

Николая погрузили в машину.

Он всё ещё дрожал.

Виктор Петрович завёл двигатель.

В этот момент из леса донёсся протяжный звук.

Илья остановился возле открытой двери.

Звук повторился.

Низкий.

Хриплый.

Непохожий на привычное рычание.

— Что это? — спросил Артём.

— Не знаю.

На противоположной стороне улицы женщина в красной куртке поспешно закрыла калитку.

За ней захлопнулась входная дверь.

Виктор Петрович высунулся из кабины.

— Вы едете или местную фауну изучаете?

Илья забрался внутрь.

Двери закрылись.

Машина тронулась.

Николай лежал на носилках с закрытыми глазами.

Артём контролировал его состояние.

Илья связался с диспетчером.

— У нас пациент с высокой температурой, нарушением сознания и необычными кожными проявлениями. Возможен контакт с диким животным. Нужна маршрутизация с учётом инфекционного риска.

Пока диспетчер уточняла, куда доставить больного, Николай открыл глаза.

— Доктор.

Илья обернулся.

— Я фельдшер.

— Доктор…

— Что?

Николай с трудом сглотнул.

— Он стучал.

Илья вспомнил видео.

— Я видел запись.

— Нет.

— Что нет?

Николай медленно повернул голову.

— Не лапой.

Илья нахмурился.

— Объясните.

Пациент смотрел на него несколько секунд.

Потом произнёс:

— Когда он упал… там, у крыльца…

Его голос стал едва слышным.

— Я подошёл.

— Зачем?

— Думал, умер.

Николай начал задыхаться.

Артём сразу наклонился к нему.

— Илья!

— Вижу.
Мужчина попытался приподняться.
Его взгляд стал диким.
— Он лежал в снегу, — прошептал Николай. — А я услышал…
Он закашлялся.
Илья наклонился ближе.
— Что вы услышали?
Николай схватил его за куртку.
— Кто-то стучал изнутри.
Затем его тело выгнулось.
Артём вскрикнул и попытался удержать пациента от падения с носилок.
Машину резко качнуло.
— Что там у вас?! — крикнул Виктор Петрович из кабины.
— Останови машину!
Водитель ударил по тормозам.
Скорая замерла на обочине.
Несколько секунд внутри слышалось только прерывистое дыхание Николая.
Потом мужчина обмяк.
Илья проверил его состояние.
— Артём, помогай.
Они начали реанимационные мероприятия.
Виктор Петрович стоял снаружи, открыв задние двери.
Из леса тянуло сырым холодом.
На дороге не было ни одной машины.
* * *
Когда они закончили, прошло почти двадцать минут.
Николая Зорина спасти не удалось.
Илья сидел возле носилок.
Артём молча собирал использованные материалы.
— Никогда такого не видел, — наконец сказал он.
— Чего именно?
— Всего.
Илья не ответил.
За годы службы он видел множество тяжёлых случаев.
Но сейчас его беспокоило не только состояние пациента.
Он пытался вспомнить, когда Николай схватил его за руку.
И сколько времени кожа мужчины соприкасалась с его кожей.
Илья посмотрел на запястье.
На нём остались красные следы от пальцев.
Он поднял рукав.
Под самым краем манжеты виднелась маленькая царапина.
Он получил её перед сменой, когда зацепился рукой за металлическую дверцу шкафчика.
Илья вспомнил, что не обратил на неё внимания.
А теперь вспомнил.
Слишком отчётливо.
— Ты чего? — спросил Артём.
— Ничего.
— Бледный какой-то.
— Устал.

Напарник посмотрел на его руку.

— Что там?

Илья опустил рукав.

— Поцарапался.

— Давно?

— Утром.

— Скажи диспетчеру. Контакт всё-таки был.

— Скажу.

Он снова посмотрел на носилки.

Николай Зорин лежал неподвижно.

Обычный человек.

Муж.

Сосед.

Человек, который вчера помогал спасать пожилую женщину.

Накануне он ещё ходил по деревне и помогал соседям.

Теперь мёртв.

Илья достал телефон.

На экране высветилось уведомление от новостного канала.

«Под Дмитровом обнаружены ещё два медведя с признаками неизвестного заболевания. Жителей просят воздержаться от посещения лесов».

Ниже была фотография.

На снегу возле лесной дороги лежал медведь.

Его пасть была раскрыта.

А вокруг глаз виднелись тёмные пятна.

Илья увеличил изображение.

Посмотрел на шею животного.

Потом на руку Николая.

Пятна были очень похожи.

Впервые за долгое время он почувствовал настоящий страх.

Не тот, который возникает во время опасности.

Тогда всё просто: действуешь, потому что обязан.

Этот страх был другим.

Он появлялся, когда опасность уже прошла.

А ты вдруг начинал понимать, что произошло.

Телефон завибрировал.

Звонила Света, диспетчер.

Илья ответил.

— Морозов.

— Илья, где вы?

— На дороге. Пациент умер.

На другом конце провода повисла пауза.

— Поняла. Не возвращайтесь пока на станцию.

— Почему?

— Поступило распоряжение. Всех, кто работал с пострадавшими после нападений животных, направляют на дополнительный осмотр.

Илья посмотрел в окно.

За дорогой начинался лес.

— От кого распоряжение?

— Из областного центра. Подробностей нет.

— Света…
— Что?
— Сколько таких вызовов было сегодня?
Она молчала.
— Света?
— У нас за утро шесть.
— Шесть чего?
— Пациентов с похожими симптомами.
Илья закрыл глаза.
— Где?
— Две деревни под Дмитровом. Один случай в Яхроме. Ещё три — ближе к Москве.
— Они контактировали с медведями?
— Не все.
Это было самое страшное, что она могла сказать.
Илья открыл глаза.
— Что значит «не все»?
Света понизила голос.
— У нас один заболевший — семилетний мальчик. Он вообще из дома не выходил.
* * *
В это же время в Москве, в одном из административных зданий на северо-востоке города, мужчина в сером костюме просматривал электронный отчёт.
На экране появилась строка:
«ОБЪЕКТ К-0. ВНЕШНИЙ КОНТУР. НАРУШЕНИЕ ИЗОЛЯЦИИ».
Ниже стояла дата.
6 ноября 2037 года.
Мужчина медленно перечитал документ.
Затем открыл другое окно.
В нём находились фотографии погибших животных.
И список первых пациентов.
Их было уже четырнадцать.
Он взял телефон и набрал номер.
Ответили после первого гудка.
— Да.
— Подтверждено распространение за пределами контрольной территории.
— Масштаб?
— Пока локальный.
— Сколько времени у нас есть?
Мужчина посмотрел на карту.
Красные отметки тянулись вдоль дороги в сторону Москвы.
— Не знаю.
— Мне нужен ответ.
Он помолчал.
— Тогда скажите, что делать с первыми заболевшими.
На другом конце провода долго молчали.
Потом прозвучал спокойный голос:
— Главное, чтобы они не добрались до столицы.
Мужчина снова посмотрел на карту.
И не стал говорить, что некоторые уже добрались.

ГЛАВА 2
Чёрные пятна
Московская область. 9 ноября 2037 года.

11:26

Санитарная машина остановилась возле бокового въезда в областной инфекционный корпус. Здесь не было очереди скорых, носилок в коридоре и привычной ругани усталых водителей. За высоким забором, на котором висела новая табличка «Вход только по пропускам», стояли две машины без опознавательных знаков.

Илья вышел первым. Виктор Петрович остался за рулём: им велели не покидать автомобиль до осмотра салона. Артём неловко поправил маску. Обычно он разговаривал без остановки, но последние полчаса почти молчал.

У двери их встретила женщина в белом защитном костюме. Сквозь прозрачный щиток были видны серые глаза и усталое лицо.

— Бригада из Дмитрова? — спросила она.

— Да. Морозов, Седов, водитель Лазарев. Пациент Николай Зорин, сорок девять лет. Скончался во время транспортировки.

— Это уже передали. Вы контактировали с биологическими жидкостями?

Илья ответил точно. Он назвал все моменты, которые мог вспомнить, и отдельно указал на царапину под манжетой. Доктор записала сведения, не задавая лишних вопросов.

— Я могу узнать, что происходит? — спросил он.

— Вы сможете узнать результаты собственного осмотра.

— А остальные?

— Остальные тоже.

— Это не ответ.

— Пока другого нет.

Её звали Анна Белова. Об этом сообщал бейдж под защитным халатом. Илья заметил, что подпись на бейдже сделана чёрным маркером поверх старой пластиковой карточки.

Их развели по разным кабинетам. Илью попросили снять верхнюю одежду, осмотрели запястье, измерили температуру, пульс и давление. Затем взяли образцы для анализов и предложили дождаться заключения в отдельной комнате.

Комната была маленькой. Стул, раковина, закрытое окно. На столе стояла упаковка одноразовых стаканчиков, но воды не было.

Илья сел и сразу поднялся. Из-за двери доносились шаги, непривычно быстрые для больницы. Он подошёл к окну. На парковке остановился микроавтобус с заклеенными номерами. Из него вышли четверо в одинаковых тёмных куртках и направились к служебному входу.

Он не любил людей, которые приходят в медицинское учреждение и ведут себя так, будто это их территория.

Через десять минут Белова вернулась с планшетом.

— Температура нормальная, — сказала она. — Признаков острого заболевания сейчас нет. Но наблюдение необходимо.

— Это может быть бешенство?

— Мы рассматриваем несколько вариантов.

— Зорин умер слишком быстро для обычной истории с царапинами. Он был в сознании вчера, а сегодня… — Илья не закончил.

— Поэтому мы и не называем диагноз.

— А мальчик? — спросил Илья.

Она подняла глаза.

— Какой мальчик?

— Семилетний. Из разговора с диспетчером. Он не выходил из дома. Его тоже привезли сюда?

Белова положила планшет на стол.

— Откуда у вас эта информация?

— Из службы скорой помощи. Я не прошу назвать фамилию. Хочу понять, действительно ли болезнь передаётся от человека человеку.

— Мы этого не установили.

Она произнесла фразу аккуратно. Не «нет». Не «невозможно». Именно «не установили».

— Мне сообщить семье, что я на карантине? — спросил Илья.

— Вы живёте один?

— Да.

— Тогда пока сообщите, что задерживаетесь по работе.

— Почему «пока»?

Белова перевела взгляд на дверь.

— Потому что сегодняшний день ещё не закончился.

* * *

В 12:08 Илья всё-таки дозвонился до Артёма. Тот сидел в соседнем крыле и говорил шёпотом.

— Меня заставили трижды пересказать, как он кашлял. Как будто я должен описать звук по нотам.

— Ты что-нибудь подписывал?

— Бумагу про наблюдение. И что не буду распространять сведения о пациентах. Ты тоже?

— Пока нет.

— Илья, я видел на каталке женщину. Её везли мимо стеклянной двери. У неё руки были…

В трубке зашуршало.

— Какие руки?

— Тёмные, — ответил Артём. — Будто все пальцы испачканы сажей. Только она ими двигала. Я точно видел.

— Ты уверен, что это не ожоги?

— Я не врач по ожогам. Но ещё у неё изо рта выходил какой-то звук. Она будто плакала. А глаза сухие.

Илья вспомнил поскуливание за дверью Тамары Павловны. Потом Николая, который смеялся и кашлял одновременно.

— Не делай выводов по случайному взгляду, — сказал он.

— А ты делаешь?

Илья промолчал.

Связь оборвалась прежде, чем он успел ответить.

* * *

В Сосновом Логу к этому времени появились две патрульные машины. У въезда на улицу Тамары Павловны натянули красно-белую ленту, и люди сразу принялись фотографировать её на телефоны.

В местный чат кто-то написал, что в лесу нашли десятки мёртвых медведей. Другой уверял, будто там уже работают военные. Ни тот, ни другой ничего не видел.

Лишь хозяйка сельского магазина Лариса знала одну подробность, о которой не говорили в новостях.

Утром к магазину прибился пёс.

Не бродячий. Крупный рыжий кобель с синим ошейником, принадлежавший семье Зориных. Обычно он лаял на всех чужих и требовал еду у знакомых. Теперь стоял возле ступеней, поджав хвост, и смотрел на дверь.

Лариса позвала его по кличке.

— Рыжий! Иди сюда, дурачок.

Пёс не пошевелился.

Она вышла с остатком колбасы. Собака понюхала воздух и отступила. Лариса уже хотела вернуться внутрь, когда заметила под шерстью на шее тёмную полосу.

Пёс вдруг заскулил, качнулся и ударился мордой о стекло витрины.

— Ты чего?

Он поднял голову. На секунду в его взгляде появилось что-то знакомое, почти просительное. Затем кобель бросился на дверь магазина.

Лариса успела закрыть её и повернуть ключ. Пёс ударился ещё раз. За дребезжащей дверью слышались когти и короткое надсадное дыхание.

Она набрала номер мужа. Он работал в администрации посёлка и первым делом сказал не выходить на улицу.

— Ты пьяный, что ли? — закричала Лариса. — Тут собака с ума сошла!

— Сиди внутри. Мы людей уже предупреждаем.

— Кто «мы»?

— Не задавай вопросов.

Звонок прервался.

В магазине была ещё покупательница, женщина с ребёнком. Мальчик прижимал к груди пакет молока и смотрел в окно.

— Мам, — тихо сказал он. — Почему Рыжий так делает?

Мать не ответила.

Пёс внезапно прекратил бросаться на стекло. Медленно опустился на землю и лёг прямо посреди крыльца.

— Может, умер? — прошептала покупательница.

Лариса вспомнила вчерашнюю запись с медведем.

— Даже если умер, — сказала она, — дверь не откроем.

Через несколько минут из-за поворота появился другой пёс — чёрный, худой, без ошейника. Он остановился перед лежащим Рыжим, обнюхал снег и попятился.

Потом вдруг сорвался с места и убежал по дороге в сторону леса.

Лариса смотрела ему вслед и впервые подумала: до Москвы отсюда совсем недалеко.

* * *

В Москве тем временем состоялось совещание, которого не было ни в одном публичном расписании.

За столом сидели шесть человек. На большом экране — карта северной части области, перечёркнутая жёлтыми линиями дорог. Красных точек стало больше, чем утром.

Полковник внутренней службы Глеб Сафонов держал в руке распечатку с пометкой «К-0». Он не был медиком и не притворялся, что разбирается в анализах. Ему поручили организацию оцеплений и маршрутов транспорта.

— Мне нужна понятная граница, — сказал он. — Где мы ставим посты?

Молодая женщина у экрана ответила не сразу.

— Границы пока нет.

— Как это нет? Должна быть территория.

— Сначала были случаи среди животных. Сейчас пациенты без подтверждённого контакта с животными. Мы не знаем, сколько звеньев между ними.

Один из мужчин резко отодвинул чашку.

— Вы хотите сказать, что в Москве уже есть заражённые?

— Я хочу сказать, что их отсутствие пока никто не подтвердил.

Сафонов посмотрел на документ. В графе «первичный объект» стоял код, но название организации было закрыто чёрной полосой.

— Почему мне не показывают адрес объекта?

— Пока доступ ограничен, — сказал мужчина в сером костюме.

— Я должен выставить охрану вокруг места, адрес которого от меня прячут?

— Вы должны выполнить распоряжение.

Сафонов медленно положил бумагу на стол.

— Если вы рассчитываете остановить транспорт на всех дорогах в Москву, понадобится публичное решение. А если отправите людей без объяснений, завтра получите панику.

— Паника начнётся, когда информация утечёт, — ответил серый костюм.

— Информация уже течёт, — сказал полковник. — Через видео из деревни. Через врачей. Через звонки родственникам. Вы опоздали с секретностью.

В комнате повисла тишина.

На экране появилась ещё одна красная точка.

Оператор за пультом сообщил:

— Подтверждено поступление пациента в приёмное отделение на северо-востоке Москвы. Высокая температура. Необычные кожные проявления. Родственники отрицают поездки за город.

Сафонов выпрямился.

— Где он сейчас?

— В изолированном боксе.

— А до этого?

Оператор замялся.

— Ехал на метро. С работы.

Никто не произнёс ни слова.

* * *

К 16:40 Илью пустили в процедурную для повторного осмотра. Белова выглядела ещё более уставшей. Он заметил на её халате след от свежего кофе и подумал, что у неё, вероятно, такой же день, как у него.

— Можно домой? — спросил он.

— Сегодня нет.

— На каком основании?

— Ваш контакт оценивается как значимый. Мы организуем наблюдение. Документы вам покажут.

— Мой напарник тоже остаётся?

— Да.

— А водитель?

— Он проходит осмотр отдельно.

Илья подошёл к раковине и вымыл руки. Он делал это слишком долго, пока кожа не покраснела.

— Сколько времени прошло от первых симптомов Зорина до смерти? — спросила Белова.

— По словам жены, несколько часов. Но мы не знаем, когда болезнь началась на самом деле.

— Верно.

Он обернулся.

— Вы проверяете инкубационный период?

— Мы собираем клиническую историю. Не больше.

Илья услышал за дверью крик. Мужской голос требовал открыть. За ним другой, женский, монотонно повторял одну фразу.

«Пустите меня домой. Пустите меня домой. Пустите меня домой».

Белова не изменилась в лице, но пальцы на планшете сжались сильнее.

— Кто это? — спросил Илья.

— Пациентка.

— Она в сознании?

Белова не ответила.

Тогда Илья заметил, что женский голос за дверью повторяет слова совершенно одинаково. С теми же паузами. На третьем повторении он услышал, как голос срывается на плач, а затем снова становится ровным.

Доктор закрыла дверь плотнее.

— Есть кое-что, что вам нужно знать, — сказала она.

— Наконец-то.

— Вы не первый, кто после тесного контакта пока не показывает симптомов. Есть ещё двое. Мы пытаемся понять, что это значит.

— Возможно, просто ничего.

— Возможно.

— Или болезнь не передаётся при каждом контакте.

— И это возможно.

Она смотрела прямо на него, не пытаясь успокоить.

— А есть человек, у которого симптомы появились уже спустя короткое время после контакта, — добавила Белова. — Поэтому пока ни один вариант нельзя считать правилом.

Илья снова посмотрел на царапину. Кожа вокруг оставалась обычной.

— Вы сказали «ещё двое». Где они?

— В других отделениях.

— Вы хотите, чтобы я с ними встретился?

— Нет. Я хочу, чтобы вы пока не делали из собственного состояния вывод об иммунитете.

Илья чуть улыбнулся.

— Даже не собирался.

За дверью внезапно стало тихо.

Так тихо, что было слышно жужжание лампы под потолком.

А потом раздался удар.

Не в эту дверь. Где-то дальше, за стеной.

Ещё один.

Белова подняла планшет и быстро направилась к выходу.

— Оставайтесь здесь.

Илья не пошевелился.

Удар повторился. К нему добавился протяжный скрежет, словно кто-то медленно проводил твёрдым предметом по металлу.

Илья узнал звук, хотя прежде слышал его только на записи с чужого крыльца.

Он подошёл к двери и остановился.

Снаружи кто-то тяжело дышал.

Потом женский голос тихо произнёс:

— Пустите меня домой.

Илья не ответил.

Потому что следующую фразу голос произнёс уже иначе — низко, почти по-мужски:

— Они из леса идут.

Это были последние слова Николая Зорина, которые он слышал в доме.

Илья медленно отступил от двери.

На этот раз ему было страшно не из-за царапины на руке.

Он впервые подумал, что неизвестная болезнь может отнимать у людей не только здоровье.

Но и то, по чему их узнают близкие.

ГЛАВА 3
Первый карантин
Московская область. 9 ноября 2037 года.

15:06

Первым, что Илья увидел, когда Белова открыла дверь, был санитар с окровавленной щекой.

Он сидел на полу у стены, прижимая к лицу марлевую салфетку. Рядом стояла каталка. На ней лежала женщина, пристёгнутая широкими ремнями. Лицо было закрыто кислородной маской, но даже сквозь пластик доносился тонкий, монотонный звук. Не плач и не стон — будто она пыталась произнести одну гласную и никак не могла закончить.

— Назад, — сказала Белова.

Илья остановился на пороге.

— Его укусили?

— Я сказала: назад.

Из соседнего коридора выбежали двое сотрудников в защитной одежде. Один подхватил санитара под локоть, второй оттеснил каталку к процедурной. Женщина перестала издавать звук, повернула голову и посмотрела на Илью.

Её глаза были ясными. Настолько ясными, что это испугало сильнее ремней.

— Где моя мама? — спросила она обычным, усталым голосом.

Белова закрыла дверь.

Илья остался с ней в маленькой комнате. Сквозь стекло было видно, как по коридору тянется жёлтая полоса разметки. Ещё утром он принял бы её за обычное указание пути эвакуации. Теперь за этой полосой будто начиналась чужая территория.

— Что произошло? — спросил он.

— Пациентка сорвала маску. Сотрудник попытался помочь ей. Он получил травму.

— Женщина заразна?

— Мы не знаем.

— Вы слишком часто это говорите.

— Потому что это правда.

Белова говорила спокойно, но держала планшет так крепко, что побелели пальцы. Илья впервые заметил: она устала не меньше него.

— Я видел подобное в командировках, — сказал он. — Когда люди понимают, что происходит что-то необычное, но начальство запрещает говорить вслух. Сначала никто ничего не знает. Потом все узнают одновременно, и становится поздно.

— Значит, вам известно, почему нельзя делать поспешных выводов.

— Мне известно, чем заканчивается молчание.

Она не ответила.

Через минуту за дверью прошёл охранник. У него на поясе висела рация, из которой то и дело раздавался треск. Илья услышал обрывок фразы: «…северный выезд перекрывают».

— Выезд откуда? — спросил он.

Белова посмотрела на часы.

— В ближайшее время вам сообщат порядок наблюдения.

— Анна, у меня напарник в другом крыле. Водитель вообще сидит в машине. Нам никто ничего не объясняет.

Она вздохнула.

— Хорошо. Я попробую добиться, чтобы вы увиделись. Но за пределы корпуса пока никто из вас не выйдет.

— Это карантин?

— Это временное ограничение перемещения контактных лиц.

— Значит, карантин.

Белова не стала спорить.

* * *

В 15:28 на въезде в Сосновый Лог установили бетонные блоки.

Двое дорожных рабочих сгружали их с платформы грузовика под присмотром полицейского. Водитель маршрутки, привыкший проезжать здесь каждый час, вышел из кабины и начал ругаться. Полицейский повторял, что движение временно приостановлено, но сам не мог объяснить, сколько это продлится.

С другой стороны заграждения собрались жители.

— У меня мать в Дмитрове! — кричала женщина с детской коляской. — Я утром выехала, теперь домой не пускаете?

— Назовите адрес регистрации.

— Что вам даст мой адрес? Там ребёнок спит!

Никто не отвечал на главный вопрос: что именно произошло в деревне.

Лариса, хозяйка магазина, стояла за витриной и наблюдала за дорогой. Рыжего пса Зориных уже увезла ветеринарная служба. Он не напал на приехавших специалистов — к их прибытию лежал неподвижно. Лариса видела, как его укладывали в контейнер, и старалась не вспоминать, что за несколько минут до этого собака смотрела на неё почти человеческим, умоляющим взглядом.

Телефон разрывался от сообщений.

«Говорят, воду отравили».

«Нет, это радиация».

«В Москве тоже больные».

«Уезжайте, пока можно».

Последнее сообщение пришло от незнакомого номера. Лариса нажала на имя отправителя, но профиль оказался пустым.

В дверь постучали.

Она вздрогнула и схватилась за прилавок.

За стеклом стоял Семён Кузьмич, местный электрик, сухой старик в телогрейке. Он показывал ей пустую пластиковую бутылку.

— Воды налей, Ларис. У меня дома из крана ржавая идёт.

Она приоткрыла дверь ровно настолько, чтобы услышать его лучше.

— Семён Кузьмич, домой идите. По улице ходить нельзя.

— Кому нельзя? Медведям?

Старик попробовал улыбнуться, но закашлялся.

Лариса сразу отступила.

— Ты чего? — обиделся он.

— У вас температура?

— Откуда мне знать? Я не градусник.

— Идите к себе. Я позвоню медикам.

— Да ну тебя.

Он махнул рукой и побрёл через площадь к своему дому. По дороге остановился, опёрся о столб и долго смотрел на собственные пальцы. Лариса видела, как он раз за разом сжимает их в кулак, словно проверяет, слушается ли рука.

Потом старик поднял голову.

Его лицо стало незнакомым.

Не злым. Просто совершенно пустым.

Лариса задвинула засов.

* * *

В Москве о карантине объявили в 16:10 — не по федеральным каналам, а коротким сообщением областной администрации.

В нём говорилось о «временных ограничениях доступа к отдельным населённым пунктам в связи с эпизоотической обстановкой». Слово «люди» не упоминалось ни разу.

Мария Данилова прочла уведомление в метро, на станции «Савёловская», пока ждала поезд.

Ей было тридцать два. Она работала инженером по эксплуатации вентиляции и возвращалась с дневного обхода. На служебном планшете оставалась схема тоннелей, а в наушниках играла музыка, которую она перестала слышать ещё пять минут назад.

В рабочем чате коллега прислал фотографию служебной двери. Под ней расползалось тёмное пятно.

«Опять течёт?» — спросила Мария.

«Не вода. Вчера крыс травили. Сегодня снова стаями идут».

Она набрала номер техника.

— В каком тоннеле?

— Между двумя служебными камерами, ближе к вентиляционному узлу. Пока не разобрались.

— Закрывайте доступ до осмотра. И ничего не трогайте без защиты.

— Да обычные крысы, Маш.

— Обычные крысы не должны собираться сотнями посреди дня.

Собеседник хмыкнул, но спорить не стал.

Подошёл поезд. Люди двинулись к дверям, кто-то толкнул Марию плечом. На платформе объявили о временных изменениях в движении на другой линии. Она убрала планшет и вошла в вагон.

На следующей станции рядом сел мужчина в синем пуховике. Он держал руки на коленях и смотрел в одну точку. Между большим и указательным пальцами у него виднелась тёмная полоса, похожая на чернильный след.

Мария заметила её случайно. Мужчина тоже заметил её взгляд и спрятал руки в карманы.

— Плохо выгляжу? — спросил он.

— Простите?

— Вы смотрите.

— Нет. Просто задумалась.

Он отвернулся.

До следующей станции мужчина не шевелился. Когда поезд затормозил, он внезапно поднял голову и произнёс негромко, но отчётливо:

— Не открывайте.

Мария замерла.

— Что?

— Двери. Не открывайте.

В этот момент двери вагона разошлись. Мужчина вскочил и вышел на платформу, расталкивая пассажиров. Через несколько секунд его поглотила толпа.

Мария осталась сидеть. Она не знала, был ли он болен, пьян или просто испуган. И впервые за долгое время ей захотелось подняться на поверхность пешком.

* * *

К вечеру Илье разрешили увидеть Артёма — через стеклянную перегородку в комнате для посетителей, которую наспех приспособили под общение сотрудников.

Напарник выглядел раздражённым.

— Меня не отпускают домой. Сказали, сутки минимум. Потом ещё раз анализы.

— Меня тоже.

— А Виктор Петрович?

— В отдельном помещении, под наблюдением. Я спрашивал.

Артём потёр лицо ладонями.

— У матери давление. Кто ей лекарства привезёт?

— Позвони соседке. Я помогу организовать.

— Ты всё время кого-то организуешь, Морозов. Скажи лучше, что с нами будет.

— Не знаю.

— У тебя даже температура не поднялась.

— Сегодня. Это ничего не значит.

— Ты так говоришь, будто хочешь заболеть.

Илья посмотрел на своё запястье. Царапина побледнела, следы чужих пальцев почти исчезли. Он не чувствовал ни жара, ни озноба. Но мысль о том, что через день всё может измениться, не отпускала.

— Я хочу знать, что происходит, — сказал он.

— Все хотят.

На стеклянной двери за спиной Артёма появилась Белова.

— Илья, вас просят пройти со мной.

— Куда?

— На видеосвязь. Из Москвы.

Артём поднял брови.

— Ты теперь знаменитость?

— Скорее, удобный свидетель.

Илья встал.

* * *

В переговорной было трое: Белова, незнакомая женщина в строгой тёмной куртке и мужчина на экране ноутбука. У мужчины были седые виски и невозмутимое лицо человека, привыкшего задавать вопросы, на которые сам уже знает ответы.

— Морозов Илья Андреевич? — спросил он.

— Да.

— Вы непосредственно осматривали Николая Зорина?

— Да.

— Нас интересует его поведение до остановки сердца. Подробности любых необычных речевых проявлений.

Илья перевёл взгляд на Белову.

— Я всё изложил в медицинской документации.

— Мы ознакомились. Но в отчёте указано, что пациент произнёс фразу о стуке изнутри. Что он имел в виду?

— Если бы я знал, написал бы.

Женщина в куртке впервые заговорила:

— Вам не кажется, что перед смертью он мог бредить?

— Мог. У него была высокая температура и спутанность сознания.

— Тогда почему вы отдельно отметили эту фразу?

— Потому что она была последней осмысленной фразой. Такова моя работа — фиксировать, а не угадывать.

Мужчина на экране слегка кивнул.

— Был ли контакт с кожными повреждениями пациента?

— Все контакты указаны. И моя царапина тоже.

— На данный момент у вас нет симптомов?

— Нет.

— Сколько времени прошло с момента контакта?

Илья посмотрел на часы.

— Меньше суток. И вы сами понимаете, что отсутствие симптомов пока ничего не доказывает.

Мужчина отвёл взгляд, будто кто-то передал ему записку за пределами кадра.

— Вы верно мыслите, Морозов.

— Это собеседование или допрос?

— Пока беседа. Благодарим.

Экран погас.

Илья повернулся к Беловой.

— Кто это был?

— Специалист по чрезвычайным ситуациям.

— Имя у него есть?

— Есть.

— А мне его знать не положено?

Женщина в куртке поднялась.

— Вам важно другое: соблюдать предписания. Сегодня вечером въезд в некоторые населённые пункты ограничат полностью. Если вы получаете сообщения от знакомых из зоны наблюдения, передавайте их медикам, а не в социальные сети.

— Вы хотите, чтобы люди молчали?

— Мы хотим, чтобы они не устраивали панику.

Она вышла, оставив дверь открытой.

Белова долго смотрела ей вслед.

— Вы не обязаны ей нравиться, — сказала она.

— Я и не стараюсь.

— Илья, вы ведь понимаете, что у нас может быть не одна болезнь? У животных одни признаки, у людей другие. В сети уже объединили всё в один страшный рассказ. Сейчас опасно принимать этот рассказ за диагноз.

— Понимаю. Но ещё опаснее считать каждый случай случайностью.

Белова медленно закрыла ноутбук.

— С этим я согласна.

* * *

В 19:43 на окраине Соснового Лога погас свет.

Сначала потемнели окна трёх домов. Затем перестали гореть фонари на единственной улице. Через минуту замолчал насос водонапорной станции.

Лариса стояла в магазине за кассой. Генератор включился не сразу. Она услышала, как за стеной что-то упало, а потом тишину нарушил скрип двери подсобки.

— Витя? — позвала она мужа.

Он должен был вернуться из администрации час назад, но не отвечал на звонки.

— Витя, это ты?

Из подсобки никто не вышел.

Лариса взяла фонарик и шагнула за стеллаж.

Дверь была приоткрыта. На полу валялась коробка с батарейками. Она хорошо помнила, что закрывала подсобку на ключ. Ключ всё ещё торчал в замке.

За дверью кто-то дышал.

Лариса отступила.

— Кто там?

Из темноты донёсся голос мужа:

— Лар, не бойся. Это я.

Она почти бросилась к двери, но остановилась. Витя всегда называл её Ларкой. Даже когда ссорились.

— Выходи, — сказала она.

— Иди сюда. Мне плохо.

Лариса подняла фонарик. Узкий луч выхватил край рабочей куртки на крючке, ведро, мокрый след на плитке.

И ботинок.

Чужой ботинок, слишком маленький для мужа.

— Кто ты? — спросила она.

Голос из темноты ответил после долгой паузы:

— Не открывайте.

Те же слова, которые она сегодня слышала по телевизору из уст испуганной женщины у карантинного поста. Слова, которыми весь день обменивались жители деревни.

Лариса попятилась, задела кассовую стойку и упала. Фонарик покатился по полу, освещая нижнюю щель двери.

Из-под неё медленно вытекла тёмная вода.

Нет, не вода. Густая жидкость оставляла на плитке чёрные разводы.

В подсобке раздался кашель. Потом стук — один, второй, третий.

Лариса вскочила и выбежала через запасной выход во двор. Мокрый снег хлестнул по лицу. Она захлопнула дверь, сунула в засов металлический прут и побежала к соседям.

За спиной в магазине раздался тяжёлый удар.

А затем до неё донеслось неожиданно тихое, почти ласковое:

— Ларка…

Теперь голос звучал правильно.

Она не остановилась.

* * *

В 20:11 Илья получил на телефон видеозапись.

Номер отправителя был незнаком. Сообщение состояло из двух слов: «Вы медик?»

На видео дрожащая камера показывала тёмный деревенский двор. Кто-то тяжело дышал за кадром. Из-за забора донёсся собачий вой. Потом в свете фонаря появилась фигура — человек в расстёгнутой куртке, без шапки, босиком на снегу.

Он стоял лицом к дому и раскачивался. Руки были опущены, пальцы сведены судорогой. За воротником проступали почти чёрные пятна.

Человек поднял голову.

— Пожалуйста, — сказал он. — Я ничего не вижу.

Вторая фраза прозвучала совершенно другим голосом — высоким, детским:

— Пустите меня домой.

Запись оборвалась.

Илья пересмотрел её дважды. Он не мог знать, не смонтировал ли кто-нибудь звук. Не мог определить болезнь по дрожащему кадру. Но пятна на шее незнакомца напоминали то, что он видел у Зорина.

Он переслал видео Беловой с просьбой проверить источник и позвонил на номер отправителя.

Долгие гудки.

Наконец ответил ребёнок.

— Алло?

— Здравствуй. Меня зовут Илья. Я медик. Ты прислал видео?

— Да.

— Ты сейчас где?

— Дома. В деревне.

— Кто с тобой?

— Никого.

Илья выпрямился.

— Сколько тебе лет?

— Девять.

— Как тебя зовут?

— Даня.

— Даня, послушай меня внимательно. Ты в безопасности? Дверь закрыта?

— Да.

На той стороне раздался шорох.

— А кто мужчина на видео?

Даня молчал.

— Ты его знаешь?

— Это папа.

Илья сжал телефон.

— Он сейчас с тобой?

— Нет. Он во дворе.

— Ты уже звонил спасателям?

— Они сказали ждать.

За голосом ребёнка раздались три негромких удара.

Даня шёпотом спросил:

— А почему он говорит маминым голосом? Мама ведь в Москве.

Илья не стал пытаться объяснить невозможное по телефону.

— Даня, не открывай дверь. Я сейчас свяжусь с людьми, которые могут тебе помочь. Оставайся на линии.

Ребёнок всхлипнул.

— Он больше не стучит.

Илья почувствовал, как сжалось горло.

— Ты его видишь?

— Нет. Он ушёл от двери.

— Не подходи к окну.

— Я и не подхожу.

Несколько секунд в трубке было тихо.

А потом Даня произнёс:

— Он под окном кухни.

— Отойди от кухни, слышишь?

— Я в спальне.

Илья уже набирал на другом телефоне номер дежурной службы, когда мальчик добавил:

— Но окно спальни тоже на первом этаже.

В трубке не раздалось ни крика, ни плача.

На линии послышался скрежет стекла — и голос, который Даня только что назвал маминым, тихо сказал:

— Сынок, открой. Я замёрзла.

ГЛАВА 4
За периметром
Московская область. 9 ноября 2037 года.

20:14

— Даня, ты меня слышишь?

В трубке шуршало. Илья прижимал телефон к уху так сильно, что заболела скула.

— Даня, не отвечай ему. Слушай только меня.

— Я слушаю, — прошептал мальчик.

Илья выдохнул. Значит, связь не оборвалась. За всё время работы на скорой он научился ценить маленькие хорошие новости, особенно когда других не было.

— Дверь в спальню закрывается?

— Да.

— Закрой. Не подходи к окну и никуда не выходи. Я вызвал помощь.

На втором телефоне дежурный обещал связаться с ближайшим нарядом. «Обещал» — плохое слово, когда ребёнок сидит один в доме, а снаружи находится его больной отец.

— У меня есть шкаф, — сказал Даня.

— Какой шкаф?

— Платяной. Я могу туда залезть.

— Если в комнате безопасно, оставайся подальше от окна. И держи телефон при себе.

Послышался тихий скрип.

— Он ушёл, — прошептал мальчик.

— Откуда знаешь?

— Я больше его не слышу.

Илья посмотрел на Белову. Врач стояла у двери переговорной и видела по его лицу, что это не обычный разговор.

Он прикрыл микрофон.

— Ребёнок в Сосновом Логу. Девять лет. Один в доме. Отец с теми же признаками, что у Зорина, пытается попасть внутрь. Нужна срочная помощь.

Белова без лишних вопросов достала свой телефон.

— Адрес?

Илья продиктовал то, что сообщил Даня. Улица Лесная, дом семнадцать. Через несколько секунд Белова уже разговаривала с оперативным штабом, называя адрес и требуя связать её с начальником поста.

— Даня, — сказал Илья. — Ты ещё здесь?

— Да.

— Молодец. Скажи, рядом с домом кто-нибудь живёт?

— Тётя Лариса, у магазина. Но там свет выключился.

— Я знаю. Сейчас к тебе направят людей.

Мальчик долго молчал.

— А папа умрёт?

Илья посмотрел на собственное запястье, где ещё утром были красные следы от пальцев Николая Зорина.

— Я не знаю, Даня. Но мы попробуем ему помочь.

С улицы раздался глухой стук.

— Это не он, — сказал мальчик.

— Что значит не он?

— Папа всегда стучит два раза. А сейчас три.

Илья почувствовал, как внутри всё похолодело.

— Отойди от окна.

— Я отошёл.

Где-то очень близко послышался треск стекла. Затем Даня резко втянул воздух.

— Там кто-то ещё.

— Даня, послушай…

Связь оборвалась.

Илья немедленно перезвонил. Вызов шёл долго, но никто не отвечал. Он набирал номер снова и снова, пока Белова не положила ладонь ему на плечо.

— Пост выслал машину. Ближе всего к дому сейчас патруль на северной дороге.

— Через сколько?

— Не сообщили.

— Передайте, что там ребёнок. Не просто подозрение на инфекцию. Живой ребёнок.

— Передала.

Белова не отвела глаза. Илья понял, что она тоже боится.

* * *

В 20:27 колонна из трёх автобусов вышла из посёлка Лесной, в восьми километрах от Соснового Лога.

Официально это называлось «организованное перемещение жителей из зоны наблюдения». Начальник местной администрации повторял выражение в мегафон, будто от точности слов зависела безопасность людей.

В первом автобусе ехали семьи с детьми. Во втором — пожилые жители и те, кому требовалась помощь. Третий оставили полупустым на случай, если удастся забрать людей из соседних домов.

Кирилл Агеев, двадцатишестилетний водитель третьего автобуса, не понимал, почему их отправили почти в темноте. Дорога была узкая, покрытая кашей из снега и грязи. Фары выхватывали обочину, на которой лежали раздавленные ветки.

В рации трещал голос сопровождавшего их полицейского.

— Дистанцию держите. На перекрёстке не останавливаться. Движение по указателям до контрольного поста.

На переднем сиденье расположилась фельдшер добровольческого отряда, худенькая девушка с уставшими глазами. Её звали Полина.

— У вас есть дети? — спросила она.

— Нет.

— Хорошо.

Кирилл посмотрел на неё.

— Почему хорошо?

— Потому что я не знаю, что отвечать тем, у кого они есть.

Он хотел спросить, сколько больных она успела увидеть, но рация снова ожила.

— Второй автобус, причина остановки?

Впереди вспыхнули красные стоп-сигналы.

— Женщине плохо, — ответил водитель второго. — Пассажиры требуют открыть двери.

— Не открывать. Медик подойдёт.

Полина уже тянулась за аптечкой.

— Я должна проверить.

Кирилл притормозил.

— Сказали не выходить.

— А если у неё приступ? Пусть умирает на сиденье?

Она вышла, не дожидаясь ответа. Холодный воздух ворвался в кабину и тут же исчез, когда дверь закрылась.

Кирилл видел, как Полина бежит вдоль автобуса, прикрывая лицо рукавом. Впереди шевелились силуэты полицейских. Один светил фонариком под колёса, другой разговаривал по рации.

Именно тогда из леса вышел медведь.

Не из-за поворота. Не из оврага. Просто отделился от тёмных стволов, словно всё это время стоял между ними и ждал.

Кирилл узнал животное не сразу. Ему показалось, что на дорогу вышла корова с опущенной головой.

Медведь был огромным. Он двигался неровно, волоча одну заднюю лапу. На боку виднелась рана, шерсть вокруг неё слиплась. Зверь остановился в полосе света и повернул голову к автобусам.

Водитель первого автобуса коротко посигналил.

Медведь не отреагировал.

Потом сигнал повторился — длинный, испуганный.

Животное резко подняло голову.

Кирилл увидел, как напряглись его плечи. На мгновение зверь будто забыл о больной лапе.

— Не надо, — сказал Кирилл в пустую кабину.

Медведь бросился на первый автобус.

Раздался удар, от которого стекло водительской двери рассыпалось мелкой сеткой трещин. Внутри кто-то закричал. Автобус качнулся, задел бампером дорожный знак и заглох.

Сопровождавший колонну полицейский поднял оружие, но между ним и зверем оказались люди: пассажиры, выбившие аварийный выход, уже спрыгивали на дорогу.

— Назад! — кричал полицейский. — Вернитесь в машины!

Никто не слушал.

Медведь ударил лапой по разбитому стеклу. Ещё один удар — и посыпались осколки. Изнутри донёсся плач ребёнка.

Кирилл потянулся к двери, но остановился. Он не мог оставить машину на дороге, перекрыв путь остальным. И не мог смотреть, как зверь ломает автобус.

В рации хрипнул голос:

— Третий! Уводи людей! Не стой!

Полина бежала обратно. За ней двигались две женщины, поддерживая пожилого мужчину. Они едва держались на ногах.

Кирилл открыл двери.

— Быстрее!

Пассажиры ввалились в салон. Полина поднялась последней и обернулась.

На дороге между автобусами стояла женщина в домашнем халате. Она смотрела на медведя и словно не понимала, что происходит.

— Мама! — закричал мальчик из первого автобуса.

Женщина сделала шаг к нему.

Полина рванулась наружу.

Кирилл успел схватить её за рукав.

— Там зверь!

— Там ребёнок!

Она вырвалась и побежала к женщине. Но, не добежав нескольких шагов, остановилась. Медведь уже лежал на асфальте; вокруг него ходил полицейский с фонарём, не приближаясь. Зверь тяжело дышал и дёргал лапами.

— В машину! — крикнул полицейский. — Всем в машину!

Полина подхватила женщину под локоть. Та сопротивлялась, указывая на первый автобус, из которого выбрались ещё двое детей.

Кирилл увидел свободную полосу справа от первого автобуса. Очень узкую, между обочиной и искорёженным дорожным знаком.

Он не стал ждать команды.

Медленно подал автобус вперёд, так что двери оказались напротив детей.

— Сюда! Прыгайте!

Мальчик в серой куртке подхватил за руку девочку помладше. Они забрались внутрь. Следом ворвалась Полина с женщиной.

В этот момент медведь поднялся.

Поднялся не полностью: задняя лапа подогнулась, и зверь с глухим рычанием упал на бок. Но он ещё двигался.

Кирилл закрыл двери и нажал на газ.

Автобус проскочил между знаком и сугробом, задел зеркалом ветку и вышел на свободный участок дороги.

В зеркале заднего вида остались фары двух машин, люди с фонарями и тёмная масса возле первого автобуса.

Через несколько секунд рация снова ожила.

— Третий, остановиться у поста. Не выпускать пассажиров. Повторяю: никого не выпускать.

— А остальные? — спросил Кирилл.

Ответ пришёл не сразу.

— Колонна разделена. Вам приказано продолжать движение.

Полина сидела на ступеньке возле дверей. Она смотрела на свои руки.

На тыльной стороне левой ладони были царапины.

— Откуда это? — спросил Кирилл.

— Не знаю. Когда помогала женщине, наверное.

Он ничего не сказал. Просто посмотрел на её ладонь ещё раз и сильнее сжал руль.

* * *

Мария Данилова добралась до служебного входа на «Савёловской» в 21:03.

Ей позвонили из диспетчерского центра и попросили вернуться: в одном из технических помещений сработал датчик перепада давления, а дежурный механик не отвечал по внутренней связи.

На пассажирской платформе всё выглядело обычно. Люди торопились к поездам, кто-то пил кофе, подростки снимали короткое видео возле эскалатора. Над ними мерцала реклама доставки еды.

Мария прошла через дверь с табличкой «Служебный проход», спустилась на один уровень и сразу почувствовала неприятный запах.

Не канализация и не гарь. Что-то сладковатое и влажное, как в подвале, где долго лежали испорченные овощи.

Возле вентиляционного щита её ждал техник Левин.

— Слышишь? — спросил он вместо приветствия.

Она прислушалась.

Из-за металлической двери доносилось шуршание. Неравномерное, с короткими паузами. Будто кто-то таскал по полу множество маленьких пакетов.

— Вентилятор цепляет мусор?

Левин покачал головой.

— Вентилятор отключён. Мы его остановили по инструкции. Там что-то движется.

Мария включила фонарик и посветила в узкое контрольное окошко.

Сначала она увидела только решётку и бетонный пол.

Затем в луч попала крыса.

Крупная, мокрая, с почти голым хвостом. Она сидела возле кабельного лотка и не убегала от света.

За ней появилась вторая.

Потом третья.

— Сколько их там? — спросила Мария.

— Не знаю. Раньше одна-две бегали, а сегодня будто весь тоннель сюда собрался.

Мария осторожно отошла.

— Дверь не открываем. Записываем всё, вызываем службу дезинфекции и сообщаем дежурному по станции.

— Мы уже звонили.

— И?

— Сказали ждать до утра.

Она посмотрела на него.

— Тогда звоним ещё раз.

Левин сердито выдохнул, но достал телефон.

Мария вернулась к окошку. Крысы исчезли. Вместо них из темноты показался дежурный механик Борис. Он стоял по другую сторону решётки, прислонившись плечом к стене.

— Борис! — окликнула она. — Ты как туда попал?

Он не повернулся.

— Борис, слышишь меня?

Механик медленно поднял руку.

На ладони у него было тёмное пятно.

Мария вспомнила мужчину в синем пуховике, которого видела днём в вагоне.

— Левин, вызывай медиков. Сейчас.

— Что с ним?

Борис повернулся к окошку. Его лицо блестело от пота.

— Не открывайте, — сказал он.

Мария отступила.

— Борис, можешь сам выйти через дальнюю дверь? Там есть аварийный выход.

— Не открывайте.

Он говорил тихо и ровно, будто отвечал на один и тот же вопрос.

— Мы не будем открывать. Скажи, ты ранен?

Механик вдруг ударил ладонью по стеклу.

Левин вздрогнул и выронил телефон.

Удар повторился.

Вместе с ним из вентиляционной шахты донёсся другой звук — быстрый, скребущий, словно кто-то одновременно провёл по металлу десятками когтей.

Мария увидела, что за спиной Бориса по полу движется тёмная полоса.

Крысы.

Их было так много, что отдельные тела сливались в одну беспокойную массу.

Борис тоже услышал их. Он повернулся, попытался отступить, но ноги подогнулись. Мужчина упал на колени.

— Не открывайте! — закричал он уже своим голосом. — Я не могу их остановить!

Мария схватила Левина за руку.

— Наверх. Предупреди дежурного, пусть ограничат доступ в этот коридор. Я останусь у двери до приезда медиков.

— Ты с ума сошла? Там Борис!

— Я вижу.

— Может, его вытащить?

Она посмотрела на запертую дверь. На решётку. На чёрное пятно на руке механика.

— Мы не знаем, что с ним. И не знаем, что происходит с животными. Помощь нужна, но открывать дверь без защиты нельзя.

Левин побежал к лестнице.

Мария осталась одна. Она держала фонарик на уровне груди, стараясь не думать о том, как близко от неё находятся сотни пассажиров и как мало они знают о происходящем под платформой.

Через минуту из-за двери донёсся голос Бориса:

— Маша, прости.

Потом послышались короткие удары, словно он пытался отбиться от чего-то на полу.

Мария вызвала медиков ещё раз и назвала точный служебный вход.

Снизу, со стороны тоннеля, поднялся сквозняк, пахнущий сыростью.

На табло над технической дверью загорелась красная надпись: «АВАРИЯ ВЕНТИЛЯЦИИ».

* * *

В 21:18 Белова вернулась в комнату Ильи. На ней был защитный халат, поверх которого наспех накинули куртку. Она выглядела старше, чем два часа назад.

— Мы получили сообщение с северного поста, — сказала она.

Илья сразу поднялся.

— Про мальчика?

— Машина доехала до Лесной. Ребёнка нашли.

Он почувствовал, как ослабли плечи.

— Жив?

— Да. Он спрятался в кладовке. Сотрудники вывели его через заднюю дверь.

— А отец?

Белова помедлила.

— На месте был мужчина с признаками тяжёлого заболевания. Его доставили отдельно. Личность уточняют.

— Значит, Даню не ранили?

— По первым данным, нет. Он сильно напуган. Потребуется осмотр и наблюдение.

Илья опустился на стул.

Он не заметил, что всё это время стоял, стиснув пальцы в кулаки.

— Спасибо.

— Меня благодарить не за что.

Она поставила перед ним бумажный стакан с водой.

— Есть ещё новости. При эвакуации людей из соседнего посёлка произошло нападение дикого животного на автобусную колонну. Есть пострадавшие. Часть транспорта прошла через пост, пока нам не сообщили о происшествии.

Илья поднял голову.

— Людей осмотрели?

— На посту начали. Но места не хватает, а сведений о контактах почти нет. У одной из сопровождавших были повреждения кожи.

— Вы сможете её найти?

— Ищем. Списки пассажиров неполные.

Илья потёр лицо.

— Пока мы здесь разговариваем, они перемещаются по всей области.

— Люди пытаются спасти семьи, — сказала Белова. — Их нельзя за это обвинять.

— Я не обвиняю. Я говорю, что мы не понимаем масштаб.

Она села напротив.

— Я тоже.

За окном в темноте промелькнули синие огни. По двору медленно проехал автомобиль с военными номерами.

— Вам завтра снова возьмут анализы, — сказала Белова. — И пока продолжат наблюдение.

— А если со мной ничего не случится?

— Это будет хорошая новость.

— Для кого?

Она внимательно посмотрела на него.

— Для вас, Илья. В первую очередь для вас.

После её ухода он подошёл к окну.

За стеклом лежал мокрый снег. За сетчатым забором учреждения стоял человек в тёмной куртке. Он смотрел на освещённый корпус и держал телефон у уха. Лица разглядеть не удавалось.

Илья вспомнил разговор по видеосвязи, вопрос о его самочувствии и странную настойчивость незнакомца.

Он достал телефон и снова открыл новостную ленту.

Заголовки менялись каждую минуту. «Карантин расширен». «Движение на трассе ограничено». «Проверяется информация о заболевших животных». Ни одного ясного ответа.

Внизу появился новый заголовок:

«МОСКВА: ВРЕМЕННО ЗАКРЫТ СЛУЖЕБНЫЙ УЧАСТОК МЕТРО. ПРИЧИНЫ УТОЧНЯЮТСЯ».

Он успел прочесть только первые строки, когда экран погас. Телефон разрядился.

Илья стоял у окна ещё несколько минут.

Вдалеке завыла сирена.

И впервые ему показалось, что звук идёт не с дороги, а отовсюду сразу.

ГЛАВА 5

Пассажиры

Московская область — Москва. 10 ноября 2037 года.

05:46

Утро началось с чужого плача.

Илья открыл глаза и несколько секунд не понимал, где находится. За тонкой дверью кто-то всхлипывал, сдержанно и зло. Потом раздался голос санитарки: «Сядьте, пожалуйста. Сейчас врач подойдёт». Тележка прокатилась по коридору, ударилась колёсиком о порог и замерла.

На подоконнике лежал разряженный телефон. В пластиковом стакане со вчерашнего вечера осталась вода. Ночью ему дважды измеряли температуру, а в четыре утра взяли кровь. Оба раза медсестра разговаривала с ним через маску, не поднимая глаз.

Илья поднял рукав.

Царапина на запястье почти затянулась. Вокруг неё не было ни красноты, ни тёмных пятен. Он должен был почувствовать облегчение, но вместо этого вспомнил Николая Зорина: как тот пытался оттолкнуть жену и как крепко держал его за руку.

Дверь открылась без стука.

Белова вошла с планшетом и термосом. Волосы у неё были собраны кое-как; под глазами залегли тени.

— Вы сегодня первый, кто не спрашивает, когда его выпустят, — сказала она.

— Я собирался.

— Тогда считайте, что успели.

Она поставила термос на стол, но не открыла.

— Температура нормальная. По тем исследованиям, которые мы можем провести здесь, признаков острой инфекции нет. Это не означает, что наблюдение закончено.

— Сколько ещё?

— Не знаю.

Илья посмотрел на неё.

— Врач обычно говорит это после всего остального.

— А я хочу, чтобы вы услышали сразу.

За стеной снова заплакали. Уже не женщина — мужчина. Илья узнал эту разницу по тому, как человек пытался проглотить звук.

— Сколько новых? — спросил он.

Белова опустилась на край стула.

— С ночи доставили девять. Трое были в эвакуационной колонне. Остальные поступили из разных мест.

— Из того автобуса, на который напал медведь?

— В том числе.

— Фельдшер с повреждённой рукой?

— Полина Воронцова. Двадцать четыре года. Сейчас в соседнем корпусе.

Илья увидел, как Белова повернула планшет экраном вниз.

— Что с ней?

— В сознании. Температура повышена, но мы ещё не можем связать это с конкретной причиной. После ночи в холоде и такого стресса бывает всякое.

— Вы не верите в это объяснение.

— Я проверяю его.

Илья кивнул. Ему нравились такие ответы больше, чем аккуратная ложь.

— А мальчик? Даня?

— Жив. Его осмотрели. Он рассказал, что прятался в кладовой, пока кто-то ходил вокруг дома. Больше пока ничего надёжного.

— Он видел отца?

— Видел человека у окна. В темноте. Не уверен, что узнал. Мы не должны превращать догадки ребёнка в протокол.

Последние слова прозвучали жёстче, чем следовало. Белова сразу отвела взгляд.

— Извините. Здесь всю ночь все пытались получить простые ответы.

— А простых нет.

— Нет.

Илья постучал пальцем по краю кровати.

— Я могу помочь? Хотя бы поговорить с теми, кого привезли. Я видел Зорина до ухудшения. Знаю, какие у него были симптомы.

— Вы под наблюдением.

— Я понимаю.

— И официально вас никто не допустит к пациентам.

Он откинулся к стене.

— Значит, ничем.

Белова поднялась.

— Есть одно, что вы можете сделать. Вспомните все детали вызова. Без предположений. Время, кто присутствовал, к чему вы прикасались. Запишите от руки. Наша электронная система всю ночь работала с перебоями.

— Бумага у вас ещё есть?

— Пока да.

Она протянула ему блокнот.

— Илья, если почувствуете что-то необычное, даже если покажется глупостью, сообщите. Не пытайтесь доказать, что вы здоровы.

Он хотел пошутить, но не смог.

* * *

В 06:12 Мария Данилова стояла возле закрытой служебной двери на «Савёловской» и смотрела на серую ленту, которой ночью опечатали проход.

Пассажирская станция продолжала работать. Поезда прибывали, из вагонов выходили сонные люди с бумажными стаканчиками, кто-то опаздывал на работу и ругался на турникеты. Всего в нескольких метрах от них двое сотрудников в защитных комбинезонах выносили из служебного коридора ящики с оборудованием.

Марию не пускали внутрь.

— Я инженер смены, — повторила она охраннику.

— Сегодня все инженеры смены ждут распоряжения.

— Там Борис. Его вывели?

Охранник посмотрел в сторону.

— Медики работают.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Она отошла к стене. Левин сидел на скамейке возле пожарного щита, сжимая пластиковый стакан двумя руками. Пальцы у него дрожали.

— Ты ночевал здесь? — спросила Мария.

— В диспетчерской. Домой не отпустили. Говорят, контактировал.

— Ты ведь даже дверь не открывал.

— А крысы по вентиляции бегали. Двери им не нужны.

Он попытался усмехнуться и закашлялся. Мария невольно сделала шаг назад, заметила это и возненавидела себя за движение.

Левин увидел.

— Понимаю, — сказал он.

— Я не поэтому.

— Поэтому. Я бы тоже отошёл.

Мария села рядом, оставив между ними место для ещё одного человека.

— Что с Борисом?

— Его вынесли ночью. На носилках, в закрытом боксе. Он тогда был жив. Я видел, как шевелилась рука.

— А крысы?

Левин разжал пальцы. Стакан был пуст.

— Когда специалисты вошли, их уже не было.

— Как не было?

— Совсем. Остались следы возле кабелей и дыра в решётке. Сказали, обычная миграция грызунов.

Мария вспомнила, как крысы шли по полу сплошной тёмной полосой.

— Они не мигрировали, — тихо сказала она. — Они словно убегали от чего-то.

На другом конце коридора появилась женщина в рабочей куртке с эмблемой метрополитена. Мария узнала начальницу участка, Ирину Павловну.

— Данилова. Со мной.

Они прошли в маленькую комнату, где обычно хранили журналы допуска подрядчиков. На столе стояли два монитора и бумажная папка. Окно было заклеено плёнкой от сквозняка.

— Ты вчера видела Бориса после девяти? — спросила начальница.

— Да.

— Разговаривала близко?

— Через контрольное окошко.

— Хорошо. Подпишешь объяснение. И останешься на осмотр.

— Я уже давала объяснение ночью.

— Повторишь.

Мария взяла ручку. В подготовленном тексте было написано: «На объекте наблюдались единичные грызуны».

Она подняла голову.

— Не подпишу.

Ирина Павловна тяжело вздохнула.

— Маша, не начинай.

— Там были не единичные. Десятки, возможно сотни. Я не считала. Но точно не единичные.

— Эта формулировка согласована.

— С кем?

Начальница отодвинула бумагу.

— С теми, кто отвечает за порядок. Нельзя устраивать панику из-за крыс.

— Борис лежит в больнице. Я видела у него на ладони чёрное пятно. До этого в вагоне был пассажир с похожими пятнами. Если всё не связано, пусть проверят и скажут. Но я не напишу, что видела двух крыс.

В комнате стало тихо.

Ирина Павловна долго рассматривала её, потом вытащила из папки чистый лист.

— Пиши своими словами. Только каждое утверждение отдели от того, что предполагаешь.

Мария села и начала с времени: 21:03, служебный вход, запах в коридоре, шуршание за дверью.

Когда дошла до Бориса, рука замедлилась.

Она вспомнила его последние слова: «Не открывайте».

Борис ведь не просил спасать его.

Он просил держать дверь закрытой.

* * *

На северном контрольном посту рассвело почти незаметно. Снег сменился мелким дождём, и небо только посерело.

Кирилл Агеев сидел в кабине автобуса, глядя на запотевшее лобовое стекло. Снаружи стояли переносные прожекторы. Людей из салона вывели ночью небольшими группами; каждого записывали, измеряли температуру и отправляли дальше по огороженному коридору.

Кирилла оставили последним.

Ему объяснили, что он должен подтвердить список пассажиров. Но списка не было. Было семнадцать фамилий, написанных от руки, и ещё несколько человек, которых подобрали прямо с дороги.

— Там женщина с двумя детьми, — сказал он молодому сотруднику поста. — Девочку звали Соня. Мальчика не знаю. Они были из первого автобуса.

— Они прошли через пункт? — спросил сотрудник.

— Я не видел. Нас разделили.

Тот сделал отметку в планшете.

— Значит, неизвестно.

Кирилл почувствовал злость.

— Я их забрал из-под медведя. Они сидели вот здесь. А теперь неизвестно?

Сотрудник посмотрел на него устало, без раздражения.

— Мне тоже хотелось бы знать, где они. Но я могу записать только то, что проверил.

Кирилл замолчал. Вспомнил медведя, который падал на дорогу, а потом снова пытался подняться. И ладонь Полины с тонкими царапинами.

— Фельдшер была с нами. Полина. Её увезли отдельно.

— Знаю.

— Она заболела?

— Это не моя информация.

Сотрудник ушёл. Кирилл остался один и впервые заметил тонкую полоску крови на резиновом коврике у двери. Он наклонился. Кровь успела высохнуть; рядом лежала маленькая детская варежка.

Он поднял её двумя пальцами.

Синяя, с вышитой белой снежинкой.

Такую носила девочка Соня.

Кирилл положил варежку на панель и достал телефон. Заряда оставалось девять процентов. Он открыл сделанную ночью фотографию салона — снимал её, когда пытался показать сотрудникам, где сидели люди.

На снимке у окна была та самая девочка. Рядом — мать, уставшая, с мокрыми волосами. За ними, в глубине автобуса, стоял мужчина в серой куртке.

Кирилл увеличил изображение.

Мужчина держался за поручень. Его лицо было смазано движением.

Но на руке, лежавшей поверх металлической перекладины, виднелось большое тёмное пятно.

Кирилл поднял глаза на пустой салон.

Он не помнил, чтобы этот человек выходил на посту.

* * *

В 09:40 Илья закончил записывать показания о выезде к Зорину. Он исписал семь страниц и ещё одну оставил для того, в чём не был уверен.

Туда вошли слова Николая о медведе, стучавшем «изнутри», и странный изменившийся голос. Илья не стал выдавать галлюцинации больного за факты: записал их как прямые цитаты и отметил состояние пациента.

Потом он добавил, что Николай схватил его за запястье с уже имевшейся царапиной.

Он перечитал эту строку дважды.

До утра он думал о ней как о мелочи, из-за которой оказался заперт под наблюдением. Теперь же начинал подозревать, что его собственное отсутствие симптомов привлекает кого-то больше, чем состояние больных.

Дверь открылась.

Вошёл мужчина в тёмно-синем костюме, с коротко подстриженными седыми волосами. Поверх костюма он надел одноразовый халат, но маску держал в руке.

— Илья Андреевич Морозов?

— Да.

— Меня зовут Антон Руднев. Я из координационной группы.

— По какому вопросу?

— Хотим уточнить обстоятельства вашего контакта.

Илья посмотрел на маску в его руке.

— Тогда наденьте её.

Руднев на секунду замер, потом послушно закрыл лицо.

— Разумеется.

Он сел, не дожидаясь приглашения.

— Вы бывший военный медик?

— Фельдшер.

— В документах указано, что вы служили в нескольких частях. Были в командировках.

— Это относится к царапине?

— Мы проверяем анамнез.

— Мой анамнез есть у Беловой.

Руднев достал тонкую папку.

— Понимаете, ситуация нестандартная. Мы заинтересованы в сотрудничестве.

— Я и так сотрудничаю.

— Нас интересуют не только показания. Возможность дополнительных исследований.

Илья нахмурился.

— Каких?

— Пока рано обсуждать детали.

— Тогда рано получать моё согласие.

Мужчина закрыл папку.

— Вы разумный человек. Должны понимать, что от этого зависит безопасность других людей.

— Если зависит, объясните, что именно вы нашли.

Руднев посмотрел на дверь, словно проверяя, не подслушивает ли кто-нибудь.

— В нескольких учреждениях выявлены схожие клинические проявления. Причины устанавливаются.

— Эту фразу я слышу со вчерашнего утра.

— Другой достоверной пока нет.

Илья чуть подался вперёд.

— Тогда зачем вам я? У вас есть люди с симптомами. Исследуйте их, лечите. Я не заболел.

— Именно.

Руднев произнёс слово прежде, чем успел остановиться.

Илья увидел, как изменилась его поза.

— Что «именно»?

— Вы контактировали с пациентом и сейчас не имеете выраженных симптомов.

— Пока. Белова это подчёркивает каждые полчаса.

— Она хороший врач.

— Тогда разговаривайте с ней.

Руднев медленно убрал папку.

— Разговор останется между нами?

— Нет, если речь о моём лечении. Я попрошу занести его в медицинскую документацию.

На этот раз улыбки не последовало.

— Вы осложняете ситуацию.

— Я хочу её понимать.

Руднев встал.

— Мы вернёмся к этому вопросу.

Когда дверь закрылась, Илья несколько секунд сидел неподвижно. Потом потянулся к блокноту и записал фамилию посетителя.

Руднев. Координационная группа. Дополнительные исследования. Причину не назвал.

Из коридора донёсся быстрый стук каблуков.

Белова вошла так резко, что он понял всё ещё до её слов.

— Кто сейчас был у вас?

— Антон Руднев. Координационная группа. А что?

— Кто разрешил ему войти?

— Судя по тому, как он вошёл, он не привык спрашивать.

Белова закрыла дверь.

— Илья, вы ничего не подписывали?

— Нет.

— Хорошо.

— Вы его знаете?

— Видела на совещании. Он не врач.

— Это я уже понял.

Она посмотрела на блокнот в его руках.

— Что он хотел?

— Чтобы я согласился на исследования, о которых он ничего не рассказывает.

Белова села на стул. Её пальцы дрожали, хотя голос оставался ровным.

— Мне только что сообщили, что Полину Воронцову переводят в областной центр. Она потеряла сознание. Состояние ухудшается.

Илья вспомнил рассказ о царапинах на её руке.

— Она ещё вчера была на ногах.

— Да.

— А остальные из автобуса?

— Мы пока не знаем, кто и где. Списки неполные.

Он невольно посмотрел на своё запястье.

— И вы не знаете, почему я здоров.

— Я не знаю, здоровы ли вы окончательно, — тихо ответила Белова. — Но, похоже, кто-то очень торопится получить на этот вопрос ответ.

* * *

В одиннадцать часов Мария получила доступ к записям технической системы «Савёловской». Не к камерам, а к журналу открытий дверей и аварийных сообщений.

Начальница разрешила сделать выписку под расписку. За соседним столом сидел сотрудник службы безопасности и молча следил, куда она смотрит.

Мария нашла отметку о сбое вентиляции. Потом — открытие дальней служебной двери.

03:18.

Она проверила время ещё раз.

Дверь открывали ночью, после того как участок уже опечатали. При этом в журнале не значилось аварийного допуска.

— Кто входил? — спросила она.

Сотрудник безопасности подвинулся ближе.

— Может быть, сбой датчика.

— Может быть. Тогда должна быть запись проверки.

— Данилова, не ищите то, чего нет.

Мария не ответила. Ниже находилась ещё одна отметка.

03:24. Дверь закрыта.

Шесть минут.

Она не знала, кто провёл их в коридоре и связан ли этот факт с Борисом или крысами. Но записала время на отдельный лист и положила рядом с объяснением, которое отказывалась переписывать.

Телефон на столе завибрировал.

Пришло сообщение от неизвестного номера.

«Не возвращайтесь к двери. Сегодня ночью закрывают не только служебный участок».

Мария прочитала его дважды.

— Что-то случилось? — спросил сотрудник безопасности.

Она погасила экран.

— Пока не знаю.

За стеной объявили прибытие поезда. Обычный женский голос сообщил, что нужно быть внимательными и не оставлять вещи без присмотра.

Мария подумала, что никто из пассажиров наверху не слышал ночью того, что слышала она.

И что предупреждение, пришедшее на телефон, может относиться уже не только к технической двери.

ГЛАВА 6

Шесть минут

Москва — Московская область. 10 ноября 2037 года.

12:07

Мария не стала отвечать на сообщение.

Она знала, что первым делом нужно сохранить его, но палец уже тянулся к кнопке вызова. Вместо этого она сделала снимок экрана, записала номер и время на обороте выписки, а сам телефон убрала в карман. Рядом сидел человек из службы безопасности и делал вид, что читает инструкцию.

— Вы закончили? — спросил он.

— Мне нужна копия журнала за предыдущую ночь.

— За какую именно?

— За девятое число. До начала смены Бориса.

Он перестал перелистывать страницы.

— Запрос оформляется через начальника участка.

— Так оформим.

— Сегодня не получится.

Мария подняла взгляд. Вчера её просили не преувеличивать количество крыс. Теперь не давали проверить, кто открывал дверь. По отдельности каждый отказ можно было объяснить. Вместе они складывались в то, на что она пока не решалась дать название.

— Скажите хотя бы, кто сейчас отвечает за тот коридор.

— Временно выведен из эксплуатации.

— Я спросила не про коридор.

Сотрудник отодвинул стул.

— Данилова, ваша задача — техническая безопасность. Ею и занимайтесь.

Она хотела возразить, но услышала объявление об изменении интервала поездов. На табло над дверью кабинета красной строкой пробежало: «Задержка движения». Через секунду сообщение исчезло.

Мария вышла к начальнице участка. Ирина Павловна стояла у окна, держа телефон двумя руками. Увидев Марию, она сразу прервала разговор.

— Поезда задерживают, — сказала Мария.

— Ремонт сигнальной системы.

— На каком перегоне?

— Я выясняю.

— Ирина Павловна, кто входил в служебный коридор с трёх восемнадцати до трёх двадцати четырёх?

Начальница помолчала.

— Не здесь.

Они прошли в кладовую, где пахло краской и пылью. Ирина Павловна прикрыла дверь, оставив узкую щель.

— Я тоже видела эти отметки, — сказала она. — Мне объяснили: специалисты обследовали место после вывоза Бориса.

— Тогда почему нет записи о допуске?

— Сказали, журнал не обновился.

— В журнале зафиксированы открытие и закрытие двери. Значит, датчик работал.

— Я знаю, Маша.

Впервые за утро голос начальницы прозвучал устало, почти беспомощно.

— Борис жив? — спросила Мария.

— По последним сведениям, да. Его перевели в областную инфекционную больницу.

— Подмосковье?

— Мне не назвали адрес.

— Почему метро занимается его переводом?

— Не метро.

Начальница взглянула на щель в двери.

— Я не могу тебе больше рассказать, потому что сама не знаю. Но прошу: не ходи сегодня к северному техническому входу. Там теперь работают другие люди.

— Какие?

— Не наши.

* * *

В 12:26 Илья Морозов получил обратно блокнот. Белова положила его на край кровати вместе с ручкой, у которой почему-то отсутствовал колпачок.

— Ваши записи мне понадобятся ещё раз, — сказала она. — Я сняла копию для медицинской карты. Оригинал оставьте у себя.

— А Руднев?

— Я попросила не допускать посторонних без согласования.

— Подействовало?

— Пока не проверяли.

Белова закрыла дверь и осталась стоять. Илья обратил внимание на то, что она не сняла защитные очки, хотя обычно делала это сразу после входа.

— Что случилось?

— Пришли результаты повторных анализов.

Он посмотрел на её лицо.

— Выраженной инфекции не нашли, — сказала она. — Это хорошие новости. Но у нас пока нет надёжного способа исключить именно то заболевание, которое мы подозреваем. Мы даже не уверены, что у всех пациентов одна причина симптомов.

— Значит, моя невосприимчивость пока под вопросом.

— Именно. Прошу вас не называть себя невосприимчивым.

— Я и не называл.

Она присела.

— Сегодня умер ещё один пациент. Не из вашей бригады. Мужчина из посёлка возле лесничества. У него были такие же тёмные участки кожи, как у Зорина. Но по рассказам родственников, он в последние дни никуда не выезжал.

— С кем общался?

— Пока устанавливают.

— Я могу прочитать описание симптомов?

— Только с разрешения лечащей команды. Вы здесь пациент, Илья, а не консультант.

Он кивнул. Спорить было бесполезно, да и права она была. На бумаге лежал его собственный медицинский лист. Возле фамилии стояла красная метка «НАБЛЮДЕНИЕ».

— Есть ещё кое-что, — продолжила Белова. — После разговора с Рудневым кто-то запросил доступ к вашей карте из внешней сети. Наш администратор заблокировал попытку. Сейчас разбираются.

— Кто?

— Технический идентификатор неизвестен.

— Можно сказать просто: кто-то хочет знать обо мне больше, чем вы.

— Можно. Но это пока не доказательство чего-то преступного.

Илья вспомнил, как Руднев произнёс «именно», услышав, что он не заболел.

— Я двадцать лет привыкал к тому, что опасность можно увидеть, — сказал он. — Кровь, температура, дыхание. А тут меня пугает человек, который даже не назвал свою должность.

Белова впервые за разговор улыбнулась.

— Значит, способность оценивать риски у вас сохранилась.

Телефон на её поясе коротко пискнул. Она посмотрела на экран, и улыбка исчезла.

— Что?

— На приёмном покое конфликт. Привезли женщину с ребёнком, у обоих высокая температура. Охранник не хочет открывать шлюз без распоряжения.

— Они на улице?

— В машине скорой.

Илья поднялся слишком быстро. В висках потемнело.

— Сядьте, — приказала Белова. — Я разберусь.

— Пустите хотя бы в тёплое помещение.

— Разберусь, — повторила она, уже открывая дверь.

Илья остался один. За окном больницы качались голые ветки. Во дворе стояли две машины скорой, и возле одной из них медик стучал по стеклу диспетчерского поста.

Илья не видел лиц тех, кто был внутри.

Но видел, как водитель убрал руку со стекла и начал снова, сильнее.

* * *

Кирилл Агеев обнаружил пропавшего пассажира в своём телефоне, а не на посту.

Фотографию он показал третьему по счёту сотруднику контроля. Первые двое записали его слова, проверили список эвакуированных и попросили ждать. Третий, пожилой мужчина в мокром форменном плаще, внимательно изучил снимок.

— Вы уверены, что этот человек был в вашем автобусе?

— Я его сфотографировал. Как ещё убедиться?

— Когда он вошёл?

Кирилл открыл рот и замолчал.

На дороге после нападения царила суматоха. Люди перебегали между машинами, кто-то вытаскивал из салона раненых, кто-то кричал, требуя ехать. Кирилл помнил женщину с двумя детьми, медсестру с перевязанной рукой, старика в клетчатом пальто. Мужчину в серой куртке он не помнил вообще.

— Возможно, на остановке у заправки, — сказал он. — Но я не видел, как он входил.

— Тогда не утверждайте.

— Я утверждаю только то, что он есть на снимке.

Мужчина в плаще кивнул и развернул к нему планшет. В списке было семнадцать фамилий и две строки без документов.

— Может быть, один из этих?

— Лицо размыто.

— Вот именно.

Кирилл почувствовал, что разговор заходит в тупик. Он хотел спросить про Полину, про Соню с матерью, про автобус, который до сих пор стоял за ограждением. Но сотрудник заговорил первым:

— Снимок никому не отправляйте. Оригинал сохраните.

— Почему?

— Потому что он может понадобиться следствию. И не пытайтесь искать людей самостоятельно.

В этот момент со стороны пропускного коридора раздался крик.

Женщина в сером одеяле вырвалась из очереди и побежала к ограждению. За ней торопился санитар. Женщина ударилась о металлическую стойку, развернулась и замерла, словно забыла, куда бежала.

Кирилл увидел её лицо. На щеке под глазом темнело пятно.

— Она из колонны? — спросил он.

Сотрудник уже вызывал помощь по рации.

— Отойдите к автобусу.

Женщина внезапно подняла голову и тихо произнесла:

— Садитесь. Двери закрываются.

Затем повторила, громче:

— Садитесь. Двери закрываются.

Это было не обращение к окружающим. Фразу она выговаривала с одинаковыми паузами, как запись.

Санитар приблизился, стараясь говорить спокойно. Женщина отшатнулась от него и ударила кулаком в ограждение.

Кирилл отступил. Впервые за всё утро он понял, что боится не только заражённых животных.

Он боится собственного голоса, который слышит из чужого рта.

* * *

В 14:03 Мария получила второе сообщение с того же номера.

«У вас есть шесть минут. Потом закроют доступ к журналам».

Она сидела в служебной комнате рядом с Левиным. Тот наконец прошёл осмотр, получил временное разрешение оставаться на участке и теперь грыз сухое печенье. Его кашель почти прошёл, но каждый раз, когда он прикладывал ладонь ко рту, Мария смотрела на пальцы.

— Что там? — спросил он.

Она показала сообщение.

Левин перестал жевать.

— Знакомый номер?

— Нет.

— Заблокируй.

— Если человек знает про журнал, он мог видеть то же, что и я.

— Или знает, что ты туда полезла.

Мария открыла на служебном компьютере журнал технических событий. Доступ пока сохранялся. Она не собиралась ничего изменять, только проверить следы действий системы.

Возле отметки 03:18 было примечание, которого не было в распечатке: «Внешнее управление. Сервисный режим».

— Лёва, посмотри.

Он придвинулся.

— Откуда внешнее управление? Здесь местный контур.

— Именно.

— Может, после аварии подключили удалённую диагностику.

— Тогда заявка должна быть в системе.

Мария открыла список нарядов. За ночь — ни одной заявки на удалённую диагностику дверей.

Левин наклонился ближе к монитору.

— А что означает шестиминутный интервал?

— Только то, что датчик фиксировал открытое положение шесть минут. Что происходило за дверью, по этому журналу не узнать.

— Ты говоришь как следователь.

— Потому что кто-то очень хочет, чтобы мы говорили как сплетники.

В верхнем углу экрана появилась надпись: «Сеанс будет завершён администратором». Начался обратный отсчёт.

Пятьдесят девять секунд.

Мария открыла меню экспорта событий. Рядом лежал служебный накопитель, выдаваемый инженерам для актов обследования. Она остановилась.

— Это вообще разрешено? — спросил Левин.

— Для аварийных отчётов — да. Но сейчас доступ явно ограничивают.

— Тогда лучше ничего не стирай и не копируй тайком.

Мария убрала руку от накопителя. Вместо этого открыла форму служебной заявки, вписала номер журнала, временной интервал и просьбу сохранить исходные данные до проверки. Нажала «Зарегистрировать».

Система выдала номер обращения.

Она переписала его в блокнот и сфотографировала экран личным телефоном.

Оставалось двенадцать секунд.

— Всё? — спросил Левин.

— Нет. Но теперь кто-то должен официально объяснить, куда исчезнет запись.

На нуле экран погас. Появилась надпись: «Доступ временно приостановлен».

В коридоре резко открылась дверь. Мария услышала шаги и спрятала телефон в карман, хотя на нём не было ничего секретного.

Вошла Ирина Павловна.

— Собирайся, — сказала она. — Тебя вызывают в управление.

— По поводу рапорта?

— Не знаю. Машина уже ждёт.

— Кто вызывает?

Начальница посмотрела на Левина.

— Лучше поговорим наедине.

Мария медленно закрыла блокнот. Ей хотелось спросить, кто прислал сообщения. Почему доступ закрыли ровно после предупреждения. И связано ли всё это с Борисом, которого увезли в неизвестную больницу.

Но она задала другой вопрос:

— Могу я взять с собой копию зарегистрированного обращения?

Ирина Павловна кивнула.

— Возьми всё, что сможешь подтвердить документами.

Потом наклонилась и сказала так тихо, что Левин не услышал:

— И никому не отдавай телефон без расписки.

* * *

В 15:11 Илье разрешили один короткий звонок.

Виктор Петрович ответил не сразу. На заднем плане шумел телевизор.

— Морозов? Ты где пропал?

— Под наблюдением. Ты как?

— Дома. Артёма тоже осмотрели. Температуры нет. Но нас с работы пока отстранили.

— Не выходи без необходимости. И следи за самочувствием.

— Да мне уже раз пять это сказали. А ты-то сам как?

— Нормально.

Илья произнёс это слово и почувствовал, насколько оно пустое.

— Витя, ты помнишь, когда у Зорина появились пятна?

— Я за рулём сидел. Не видел.

— Точно. Извини.

Из телевизора прозвучало: «В связи с эпидемиологической обстановкой…» Виктор Петрович убавил звук.

— Ты новости видел?

— Краем глаза.

— В Москве станции метро частично закрывают. Говорят, учения. Мой племянник на «Савёловской» работает, его домой не отпускают.

Илья выпрямился.

— Почему?

— Не сказал. Только попросил не ездить сегодня подземкой.

— Витя, имя племянника можешь сказать?

— Лёша. А тебе зачем?

— Пока не знаю. Если он сам захочет рассказать, пусть запишет, что видел. Без догадок.

Виктор помолчал.

— Илья, мы как будто в одном плохом сне. Только проснуться не получается.

Связь закончилась. Илья посмотрел на погасший экран и задумался о том, что происходит одновременно в сотнях километров друг от друга: заболевшие деревни, остановленная эвакуация, закрытые двери метро.

Он пока не знал, есть ли между событиями связь.

Но кто-то, судя по его медицинской карте, уже искал ответы намного раньше него.

В дверь постучали.

На пороге стояла Белова. За её плечом виднелся незнакомый мужчина в медицинском халате.

— Илья, — сказала она, — к вам снова пришли. На этот раз с официальным направлением.

Мужчина протянул папку. На верхнем листе был штамп областного центра и фамилия Морозова.

Ниже — строка, от которой Илья ощутил холод в животе.

«Основание: наблюдение за лицом с предполагаемой устойчивостью к агенту К-0».

Он прочитал её дважды.

— К-0? — спросил он.

Незнакомец молчал.

Белова взяла документ из его рук.

— Илья, я впервые вижу это обозначение.

Илья посмотрел на собственное запястье.

Царапина окончательно затянулась.

И именно теперь он понял, что его хотят забрать не потому, что он заболел.

А потому, что кто-то заранее знает, чем именно он мог заразиться.

ГЛАВА 7

Нулевой контур

Московская область — Москва. 10 ноября 2037 года.

15:26

— Кто подписал направление? — спросила Белова.

Мужчина в халате не ответил сразу. Он достал из папки ещё один лист, аккуратно выровнял его по краю стола и только после этого произнёс:

— Региональный координационный центр. Подпись электронная. Здесь распечатана заверенная копия.

— Я умею читать, — сказала Белова. — Я спрашиваю, кто принял решение о переводе моего пациента.

Илья стоял у окна. За стеклом медленно ехала машина с жёлтой мигалкой. Двор больницы перекрыли пластиковыми ограждениями, возле проходной дежурили двое людей в защитных костюмах. Утром никого из них здесь не было.

— Меня зовут Аркадий Юрьевич Сомов, — сказал незнакомец. — Я представляю медицинскую группу сопровождения.

— А фамилия того, кто подписал документ?

— Указана в электронной системе.

Белова убрала лист в сторону.

— Тогда сначала покажете распоряжение администрации, подтверждение принимающего учреждения и согласованную медицинскую транспортировку. Пока этого нет, перевод не состоится.

Сомов посмотрел на неё почти с любопытством.

— Доктор, вы понимаете, какая ситуация складывается в области?

— Поэтому я и не собираюсь отправлять человека неизвестно куда по бумаге, которую мне принесли без предупреждения.

Илья подошёл ближе.

— Можно один вопрос? Почему в документе написано, что у меня предполагаемая устойчивость к агенту К-0?

Сомов поднял взгляд.

— Формулировка предварительная.

— Тогда кто её составил?

— Специалисты.

— Какие?

Мужчина снова промолчал.

В коридоре зазвонил телефон. Кто-то быстро прошёл мимо двери, затем в конце отделения заспорили о свободных палатах. На несколько секунд обычные больничные звуки оказались почти успокаивающими.

— Вы берёте у людей кровь, назначаете обследования и перевозите пациентов, — сказал Илья. — Я могу понять необходимость карантина. Но вы знаете обо мне то, чего ещё не могло быть в моих анализах. Как?

— Мы не можем обсуждать служебные сведения в коридоре.

— Мы в палате, — заметила Белова.

Сомов поправил очки.

— Я не приехал спорить. Речь о вашей безопасности, Илья Андреевич.

— Тогда оставьте меня здесь.

— Здесь нет необходимого оборудования.

— Для чего именно?

Ответа не последовало.

Белова встала.

— На данный момент у пациента нет температуры, дыхание стабильное, тяжёлых симптомов нет. Его обследуют повторно. Перевод можно обсуждать после получения документов. Я сообщу главному врачу.

Сомов собрал бумаги, но один лист оставил на столе.

— Здесь контактный номер. Желательно решить вопрос сегодня.

— Это не медицинский аргумент, — сказала Белова.

Когда дверь закрылась, Илья поднял оставленный лист. На обратной стороне он заметил номер автомобиля и три буквы, написанные от руки: «НК-0».

— Что такое нулевой контур? — спросил он.

Белова устало потёрла переносицу.

— Не знаю. И впервые слышу, чтобы устойчивость к инфекции определяли заранее, не завершив исследования.

Она взяла свой телефон.

— Сейчас свяжусь с администрацией. А ты никому не отдавай оригиналы своих медицинских документов. И пожалуйста, не изображай героя: контакт у тебя был настоящий.

Илья посмотрел на зажившую царапину.

— Я и не собираюсь.

Он соврал. Не потому, что планировал сбежать. Просто уже понимал: если остаться и послушно ждать, ответы ему могут так и не сообщить.

* * *

Москва. 16:02

Мария Данилова вышла из кабинета начальницы, держа под мышкой папку с зарегистрированным обращением. За ней шёл Левин. Его телефон непрерывно вибрировал: родственники спрашивали, когда откроют станцию, друзья пересылали ролики с очередями на соседних входах.

— Тебя действительно собираются куда-то везти? — спросил он.

— Пока предложили проехать для беседы.

— Это разные вещи?

— Очень надеюсь.

Мария остановилась возле служебного окна. На платформе было меньше пассажиров, чем утром, но люди уже не ждали поездов спокойно. Несколько человек громко требовали объяснить задержку. Женщина с ребёнком сидела на корточках возле автомата с водой. Дежурная повторяла, что проход временно ограничен по техническим причинам.

— Слушай, — сказал Левин. — Если они спросят про шесть минут, ты покажешь журнал?

— Покажу копию официально зарегистрированных данных. Вопрос только в том, кому.

— А если потребуют телефон?

— Попрошу оформить передачу.

Левин хотел что-то сказать, но замолчал. За окном из тоннеля донёсся протяжный металлический скрип.

Поезд не появился.

Вместо него по платформе пробежала крыса.

Обычная серая крыса. Крупная, с длинным голым хвостом. Она выскочила из-под скамьи, остановилась возле урны и подняла морду.

— Видела? — спросил Левин.

— В метро крысы бывают.

— Она на людей смотрит.

Мария присмотрелась. Животное не пыталось убежать, хотя мимо прошёл пассажир с чемоданом. Оно сидело неподвижно, а потом быстро юркнуло под металлическую дверцу технического шкафа.

— У нас профилактику проводили на прошлой неделе, — сказал Левин.

— Запишем сообщение дежурному. Только без разговоров о заражённых крысах. Мы ничего такого не знаем.

Ему явно не понравилась её осторожность.

— Ты всё время говоришь, чего мы не знаем.

— Потому что у нас уже достаточно людей, которые всё знают из чужих сообщений.

На телефоне Марии высветился незнакомый номер.

— Данилова? — спросил мужской голос.

— Да.

— Автомобиль у служебного входа. Просим спуститься для беседы.

— Кто вы?

— Межведомственная группа.

— Покажите удостоверения и основание вызова. Через дежурного участка.

— Вы усложняете обычную процедуру.

— Тогда обычным порядком её и оформите.

Связь оборвалась.

Левин нервно усмехнулся.

— Теперь точно поедешь.

— Возможно. Но сначала хочу кое-что проверить.

Она открыла на служебном компьютере архив доступных событий и нашла более раннюю запись о работе северного технического входа. Та появилась за двое суток до первого официального сообщения об ограничениях.

Дверь открывали ночью — ненадолго, без заявки на ремонт и без указания сотрудника, которому выдали ключ.

Мария сверила время с журналом удалённого управления. На этот раз команда не была помечена как аварийная. В строке исполнителя стоял код внешнего пользователя, а поле организации осталось пустым.

— Опять? — спросил Левин.

— Это другой случай. И другое время. Совпадение ещё ничего не доказывает.

Она записала идентификаторы событий и направила запрос на сохранение журналов, чтобы их не удалили при очередном обновлении системы.

Левин оглянулся на дверь.

— А что если они здесь не людей выводили?

— Мы даже не знаем, открывали ли её для прохода. Датчик фиксирует состояние двери, не содержимое коридора.

И всё же Мария представила тёмный служебный переход, грузовую тележку и человека, который мог пройти там, где пассажиры никогда не бывали.

Она закрыла окно. Предположение не стало фактом, но от этого не исчезло.

* * *

Московская область. 17:18

Сомов вернулся уже без халата. Теперь на нём была тёмная куртка с нашивкой медицинской службы. Рядом стоял высокий санитар с переносным контейнером для проб.

— Администрация согласовала обследование, — сказал он и показал новый документ.

Белова прочитала его внимательно, проверила номер через внутреннюю систему и только после этого кивнула.

— Дополнительный забор крови — да. Перевода здесь нет.

— Пока нет, — сказал Сомов.

Илью усадили у процедурного стола. Санитар работал молча, аккуратно маркировал пробирки и показывал наклейки медсестре. Всё выглядело настолько обычным, что Илья почти успокоился.

Потом Сомов спросил:

— Вы помните, что почувствовали после контакта с Зориным?

— Усталость. Ничего особенного.

— Озноб? Боль в мышцах? Изменение слуха?

— Нет.

— Сны?

Илья поднял голову.

— Что?

— Необычные сновидения, проблемы со сном.

— Я работал почти сутки. Конечно, спал плохо.

Сомов что-то отметил.

— Изменения восприятия запахов?

— Вы опрашиваете всех контактных так подробно?

— Мы уточняем симптомы.

— А при чём здесь сон?

Сомов не ответил и закрыл планшет.

Илья давно заметил: люди, которым нечего скрывать, обычно не боятся произнести «не знаю». Этот человек предпочитал молчание.

— Вы сами видели больных? — спросил Илья.

— Нескольких.

— Они плакали?

Пальцы Сомова остановились на застёжке портфеля.

— Почему вы спрашиваете?

— Зорин плакал перед смертью. Не от боли, по крайней мере мне так показалось. Вы такое встречали?

Сомов посмотрел на Белова, словно решая, можно ли говорить при ней.

— У тяжёлых пациентов бывают различные неврологические проявления.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Санитар защёлкнул контейнер. Илья успел заметить на боковой стенке маленькую белую наклейку. На ней значились номер партии и те же две буквы: «НК».

* * *

Подмосковье. 18:06

На въезде в Сосновый Лог темнело. Снег превратился в ледяную крупу, ветер гонял её по дороге. Дежурный спасатель Сергей Кондратьев уже третий час помогал жителям, которых разрешили вывезти после первичного осмотра.

Возле автобуса плакала женщина: её мать осталась за кордоном из-за температуры. Водитель требовал убрать с проезда трактор. Двое полицейских спорили, можно ли пропустить машину с продуктами.

Сергей услышал удар со стороны лесополосы.

Не громкий. Словно кто-то бросил пустую канистру в снег.

Он посветил фонарём за ограждение.

Между деревьями двигалась тень.

— Стоять! — крикнул полицейский рядом.

Тень не остановилась.

Из кустов вышла собака. Большая, рыжая, с обрывком цепи на шее. Шерсть на груди слиплась, одна задняя лапа волочилась. Собака переступила через канаву, остановилась и посмотрела на людей.

— Чья? — спросил Сергей.

Из толпы ответили, что животное принадлежит хозяину крайнего дома, но последние двое суток его никто не видел.

Собака тяжело дышала. На влажном носу темнела кровь.

— Не подходите, — сказал Сергей.

Один мужчина, не расслышав, протянул руку с куском хлеба.

Собака бросилась вперёд.

Сергей успел схватить мужчину за воротник. Они оба упали на снег. Собака врезалась в ограждение, опрокинула лёгкий пластиковый барьер и проскочила между машинами.

Начался крик. Люди побежали к автобусу.

Полицейский выстрелил в воздух, пытаясь остановить толпу, но от хлопка стало только хуже. Собака развернулась и метнулась к свету фар.

Сергей прижал ладонь к рассечённой брови. Он увидел, как водитель захлопывает двери автобуса, а маленькая девочка за стеклом закрывает уши.

Рыжая собака пробежала под днищем грузовика и исчезла на другой стороне дороги.

— Куда она делась?! — закричал кто-то.

Никто не знал.

Когда Сергею помогли подняться, он обнаружил на рукаве куртки тёмный мокрый след. Не кровь из брови: рукав был испачкан ниже локтя.

Он не стал вытирать его рукой. Только показал медикам и попросил записать возможный контакт с животным.

У блока связи раздался голос диспетчера:

— Пост семнадцать, ответьте. На северной объездной остановлено движение. Повторяю: движение остановлено.

— Причина? — спросил полицейский.

— Неизвестные животные на проезжей части. Экипаж ждёт подкрепления.

Сергей посмотрел на темнеющую дорогу.

До Москвы отсюда оставалось меньше часа обычной езды.

Но обычной езды больше не было.

* * *

Москва. 19:03

Мария не поехала с людьми, которые ожидали её у служебного входа. Ирина Павловна настояла на официальной встрече в присутствии представителя службы безопасности метрополитена. После двадцати минут разговоров неизвестные уехали, так и не назвав организацию, от имени которой действовали.

Мария должна была почувствовать облегчение. Вместо этого она чувствовала усталость и неприятную пустоту под рёбрами.

На платформе закрытой станции горели дежурные лампы. Пассажиров вывели наверх. Левин помогал обесточить неиспользуемые участки оборудования и проверял доклады дежурных.

Мария спустилась к техническому коридору. Возле двери, о которой шла речь в журналах, стояла новая пломба. Её установили после последнего осмотра, и номер совпадал с записью в акте.

Она присела возле решётки вентиляции.

Из темноты донёсся быстрый шорох.

Под решёткой показалась крысиная морда. На секунду блеснули глаза, затем животное исчезло. В глубине коридора что-то негромко застучало.

Мария включила фонарик.

Стук повторился три раза.

Она выпрямилась. Через решётку нельзя было увидеть, что происходит дальше первого поворота, а открывать опломбированную дверь без допуска она не собиралась.

По рации вызвала дежурного:

— Зафиксируйте посторонние звуки за северной технической дверью. Нужен осмотр с представителем безопасности и специалистом по санитарному контролю. Самостоятельно не вскрывать.

— Понял. И ещё, Мария Сергеевна… вам оставили конверт.

— Кто?

— Курьер. Отправителя нет.

Мария вернулась к служебной стойке. Конверт лежал в прозрачном пакете. На бумаге были напечатаны её имя и слово «ЛИЧНО».

Она попросила записать время получения и при свидетеле открыла конверт.

Внутри оказалась одна фотография.

Снимок был сделан ночью через стекло автомобиля. На нём виднелась серая дверь технического входа и двое мужчин возле неприметного фургона.

На обороте кто-то написал чёрным маркером:

«Вы нашли шесть минут. Теперь проверьте, кто приехал за три дня до них».

Мария почувствовала, как холодеют пальцы.

Она ещё раз посмотрела на дату, отпечатанную в нижнем углу изображения.

7 ноября 2037 года.

До первого официального сообщения о карантине оставалось почти трое суток.

* * *

В 19:27 Илья Морозов получил результаты очередного обследования. Никаких явных признаков болезни не обнаружили. Белова объяснила, что отсутствие симптомов пока ничего не доказывает, и предложила остаться под наблюдением.

Он согласился.

Сомов не вернулся. Но на двери палаты появилась новая табличка: «ДОСТУП ПО СОГЛАСОВАНИЮ».

Илья долго смотрел на неё, прежде чем лечь.

За стеной кашлял кто-то из пациентов. В коридоре катили металлическую тележку. Где-то на улице снова завыла сирена.

Он открыл телефон и нашёл сообщение от Виктора Петровича:

«Племянник сказал, что ночью в метро был закрытый служебный проезд. Больше ничего не знает. Не хочу его втягивать».

Илья не ответил сразу. Впервые за день он задумался не о собственном заражении, а о том, почему все дороги — лесные, больничные, подземные — словно сходились к одной невидимой точке.

На прикроватном столике лежал оставленный Сомовым листок с номером телефона.

Илья перевернул его.

Три буквы на обороте никуда не исчезли.

«НК-0».

Он набрал номер, но не нажал вызов.

Вместо этого сфотографировал бумагу и сохранил снимок вместе с датой и временем.

Потом погасил экран.

За дверью остановились шаги.

Илья прислушался.

Тихий голос произнёс его фамилию.

Не требовательно. Почти ласково.

— Морозов. Вы не спите?

Он узнал голос Сомова.

Но за несколько секунд до этого ему пришло ещё одно сообщение — с неизвестного номера.

«Не открывайте ему. Машина, которая должна вас забрать, ещё не выехала».

ГЛАВА 8

Красная линия

Московская область — Москва. 10 ноября 2037 года.

19:28

Илья прочитал сообщение ещё раз. Потом поднял глаза на дверь.

— Илья Андреевич? — повторил Сомов. — Мне нужно задать вам несколько вопросов.

В коридоре кто-то прошёл с тележкой. Колёса коротко застучали по стыку плитки, и этот привычный звук почему-то показался Илье спасительным: за дверью были живые люди, а не только мужчина, уверенный, что может распоряжаться чужой судьбой.

— Вопросы задавайте при враче, — ответил он.

— Елена Павловна сейчас занята.

— Значит, подождём.

Он не отводил взгляда от телефона. Неизвестный отправитель уже отключился. Ни фотографии профиля, ни имени, только номер, который мог быть зарегистрирован где угодно.

— Я могу войти? — спросил Сомов.

— Нет.

Секунды тянулись медленно. Потом послышался лёгкий стук пальцев о косяк.

— Вы понимаете, что ставите под угрозу не только себя?

— А вы понимаете, что у этой двери есть ручка с моей стороны?

Шаги удалились. Илья подождал ещё минуту и только затем набрал пост медсестры. Попросил позвать Белову и записать, что к нему без согласования приходил человек, представившийся сотрудником группы сопровождения.

В трубке помолчали.

— Морозов, — сказала сестра, — этот человек уже на выходе. С ним двое. Один в форме охраны.

— Ничего не подписывайте за меня.

Он положил телефон и увидел, что руки дрожат. Не от озноба. От злости.

Пришла Белова. Она не стала спрашивать, почему он не впустил посетителя. Проверила показания приборов, закрыла дверь и только потом сказала:

— Сомов требовал, чтобы его автомобиль пропустили на территорию санитарного двора. По нашим спискам такого транспорта нет.

— А у него было направление.

— Направление не даёт права вывозить пациента без оформленного согласования. Особенно в карантин.

Илья показал сообщение.

Белова прочла его не касаясь телефона.

— Сохраните всё, — сказала она. — И больше ни с кем не разговаривайте наедине. Сейчас я сообщу руководству отделения.

— Вы верите, что меня хотят похитить?

— Я верю, что кто-то слишком спешит. Для медицины это плохой признак.

Она задержалась возле двери.

— И ещё. Из лаборатории звонили по поводу ваших повторных анализов. Они не обнаружили у вас изменений, которые видят у большинства обследуемых после сходного контакта. Но это не доказательство иммунитета. Понятно?

— Понятно.

— Тогда не надо делать из себя героя. Если вы заболеете ночью, я хочу узнать об этом первой.

Когда она ушла, Илья впервые за двое суток почувствовал желание лечь и уснуть. Но вместо этого набрал Виктора Петровича.

Водитель ответил с четвёртого гудка.

— Живой?

— Пока. Ты дома?

— Меня домой не пустили. Сижу в здании станции, жду осмотра. Артём здесь же. Телевизор врёт хуже обычного.

— Что передают?

— Что ситуация контролируемая. А по дороге к нам второй час идут машины с людьми, которые хотели бы знать, где этот контроль расположен.

Илья сел на край койки.

— Ты говорил про племянника в метро. Его зовут как?

— Антон. А что?

— Он работает с техническими входами?

— Электриком. На линии. Зачем тебе?

Илья посмотрел на слово «НК-0», записанное на обороте визитки.

— Пока не знаю. Только передай ему: пусть ничего не удаляет с рабочего телефона. Ни сообщений, ни фотографий. Если кого-то заставляют переделывать журнал — пусть сначала позвонит начальнику смены и оформит это официально.

— Илья, ты где таких советов нахватался?

— Там же, где и ты. В плохие смены.

* * *

Москва. 20:04

Мария Данилова положила фотографию на стол в служебной комнате и включила настольную лампу. Снимок был распечатан на дешёвой бумаге: в тенях расплывались пиксели, номер фургона прочесть было невозможно. Зато рядом с дверью виднелась белая полоса на асфальте — свежая разметка, которую нанесли только в конце октября.

Левин пришёл без куртки, с рулоном старых схем под мышкой.

— Это то, из-за чего ты задержалась?

— Посмотри на дату.

Он наклонился.

— Седьмое ноября.

— А журнал открытий начинается девятого. Предыдущие записи выгружены в архив, к которому меня сейчас не подпускают.

— Может, фотографию сделали из машины случайно.

— Может. Но автор знает про шесть минут, которых никто за пределами службы знать не должен.

Левин долго рассматривал фургон.

— У нашего участка есть журнал пропусков на хозяйственную территорию. Не электронный, бумажный. В выходные по нему впускают подрядчиков.

— Он у охраны?

— В шкафу у старшего поста. Но если кто-то действительно подделал доступ к двери, я бы не стал искать оригинал без свидетелей.

Мария кивнула. Именно поэтому она принесла снимок в служебную комнату, где работала камера и где дежурил начальник смены. Каждое действие теперь следовало записывать.

Они пригласили Ирину Павловну. Та сфотографировала конверт, внесла его в журнал полученных материалов и распорядилась сделать копию изображения для внутренней проверки.

— Никаких личных расследований, — предупредила она Марию. — Я серьёзно.

— Мне тоже страшно, — ответила Мария. — Но дверь ведь не сама открылась.

Ирина Павловна не спорила.

В двадцать двадцать три из диспетчерской пришёл вызов. На соседнем участке сообщили о задымлении в вентиляционной камере и необходимости временно отключить часть оборудования. Сигнал датчика был кратковременным, повторного подтверждения пока не поступило.

Мария посмотрела на Левина.

— Где именно?

Он назвал место.

Это была не станция, где нашли открывавшуюся дверь. Но оба участка соединял старый технический коридор, давно закрытый для обычного прохода.

— Вызывайте группу по инструкции, — сказала Ирина Павловна. — Без самодеятельности.

Они спустились только до разрешённого поста наблюдения. За защитной решёткой тянулся тоннель, уходящий в темноту. Вентиляция работала неровно: то усиливала гул, то почти затихала.

Из глубины коридора послышался тихий металлический звон.

— Ремонтники? — спросил охранник.

— На этом участке никого не должно быть, — сказал Левин.

Мария поднесла к решётке фонарь.

На полу, возле водоотводного лотка, лежала мёртвая крыса. Чуть дальше виднелись ещё две. У одной на боках темнели проплешины, похожие на ожоги. Мария отвернулась: она уже видела больных животных на фотографиях из районных новостей.

— Не трогать, — сказала она.

Охранник поднял рацию, чтобы вызвать санитарную службу.

Тогда за решёткой что-то зашевелилось.

Из бокового отверстия выползла живая крыса. Она остановилась рядом с мёртвой, приподняла морду и несколько раз открыла пасть, словно хватая воздух. Потом медленно двинулась на свет.

Охранник шагнул назад.

— Они обычно убегают.

Крыса не побежала. Она подошла почти вплотную к решётке и ударилась о металл головой. Отступила. Снова ударилась.

Мария не могла оторвать взгляда.

— Закрыть наблюдательную заслонку, — приказала Ирина Павловна по рации. — Участок изолировать до прибытия специалистов.

Заслонка пошла вниз с тяжёлым скрежетом.

За секунду до того, как щель исчезла, Мария увидела в глубине коридора ещё несколько маленьких движущихся силуэтов.

Их было гораздо больше трёх.

* * *

Московская область. 20:41

Эвакуационная колонна стояла на подъезде к федеральной трассе уже сорок минут. Водитель автобуса Павел Рябов не выключал двигатель: в салоне сидели люди в мокрой одежде, двое детей спали под куртками родителей, а пожилая женщина жаловалась, что ей нечем дышать.

Впереди мигали синие маяки. Из темноты доносились короткие команды.

Сергей Кондратьев, спасатель с перевязанной бровью, подошёл к передней двери.

— Разворачивают нас?

— Не говорят, — ответил Павел. — Только велят ждать.

Сергей посмотрел на пассажиров.

— Там девочка после осмотра. Никакой температуры. Если вернут обратно, до утра сидеть будем.

— Я не решаю.

Сергей вышел к блокпосту. После нападения собаки в Сосновом Логу его рукав отправили на проверку, а ему самому разрешили сопровождать колонну только после первичного осмотра. Он чувствовал себя здоровым, если не считать разбитой брови и усталости.

Возле бетонных блоков стоял офицер в защитном жилете.

— Машины с этой стороны больше не пропускаем, — сказал он. — Приказ.

— У нас люди. Дети.

— Знаю. И у нас есть список мест размещения. Но въезд на московскую сторону закрыт до отдельного распоряжения.

— Куда им тогда?

Офицер указал на дорогу, по которой колонна приехала.

Сергей хотел возразить, когда в дальнем конце затора раздался гудок. Затем ещё один. Кто-то кричал, что в машине плохо человеку.

Павел увидел, как двери серого микроавтобуса распахнулись. Из салона выбежала женщина, махая руками. За ней на дорогу вышел мужчина в расстёгнутой куртке.

Он шёл неуверенно, будто каждое движение требовало усилия. Остановился посреди полосы, поднял лицо к фарам и вдруг завыл.

Это не было похоже на крик о помощи.

Сергей побежал к нему вместе с двумя медиками.

— Назад! — предупредил офицер. — Не подходите без защиты!

Мужчина рухнул на колени. Его жена пыталась объяснить, что утром он чувствовал себя хорошо, а теперь перестал узнавать сына.

Один из медиков медленно присел неподалёку и заговорил спокойным голосом.

— Вы меня слышите? Мы поможем. Только не вставайте резко.

Мужчина посмотрел на него.

На щеках блестели слёзы.

— Я… слышу… — выдавил он.

Потом с такой силой ударил ладонью по асфальту, что Сергей вздрогнул.

Медик отступил.

Женщина закричала имя мужа.

И тот бросился на её голос.

Он не успел добраться до неё. Двое сотрудников в защите перехватили его у открытой двери машины. Завязалась короткая, страшная борьба: человек бился, рыдал, пытался вырваться, а его жена кричала, чтобы его не убивали.

Павел закрыл двери автобуса.

Пассажиры поднялись с мест, пытаясь разглядеть происходящее через запотевшие окна.

— Всем сесть! — крикнул он. — От окон отойдите!

И тут со стороны лесополосы послышался другой звук.

Глухой треск веток.

Офицер обернулся.

Из-за ограждения на дорогу выбрался крупный тёмный зверь. Сначала Павел подумал, что это лось. Но животное опустило морду почти к земле, и он увидел тяжёлую медвежью голову.

Медведь был худым, с редкой шерстью на передних лапах. Его движения казались рваными: два быстрых шага, остановка, судорожный поворот головы.

Прожектор осветил зверя полностью.

Кто-то из полицейских приказал всем укрыться за машинами.

Медведь остановился возле серого микроавтобуса. Принюхался к открытой двери.

Потом ударил лапой по кузову.

Металл гулко прогнулся.

Жена больного мужчины закричала снова.

Зверь повернулся на звук и рванул вперёд.

Началась паника. Люди бросились между автомобилями, мешая медикам и охране. Сергей успел оттащить подростка за бетонный блок. Павел увидел, как офицер кричит в рацию о необходимости перекрыть полосу.

Затем прогремел выстрел.

Медведь резко остановился, покачнулся и повернул голову.

Второй выстрел заглушил автомобильные сигнализации.

Зверь упал возле разделительного ограждения.

Несколько секунд никто не двигался.

Павел слышал только двигатель автобуса и тихий плач девочки с третьего ряда.

Сергей поднялся из-за блока. Его рукав был чистым, но на ладони появилась кровь: он порезался об острый край бетона.

Он посмотрел на мёртвого зверя.

А потом на мужчину, которого наконец удалось удержать и уложить на носилки.

Оба оказались на одной дороге. И оба вели себя так, будто болезнь отняла у них страх.

Офицер снова подошёл к автобусу. Лицо у него было серым.

— В Москву не поедете. Колонна разворачивается. Дальше по указателям, к временному пункту размещения.

— Там места есть? — спросил Павел.

Офицер не ответил.

За спиной у него по рации несколько раз повторили одну и ту же фразу:

— Ввести красную линию. Подтвердите получение. Красная линия действует с двадцати сорока пяти.

* * *

Москва. 21:17

Мария поднялась на поверхность только после того, как на технический участок прибыли специалисты санитарной службы. Она передала им записи наблюдения и не стала спорить, когда её попросили покинуть опасную зону.

На улице возле входа в метро собралась небольшая толпа. Люди смотрели на экраны телефонов и задавали друг другу одинаковые вопросы.

Почему закрыли станцию?

Почему поезда не идут дальше соседней?

Почему автобусы не останавливаются?

Никто не знал ответа.

На электронном табло над остановкой вместо времени прибытия появилось уведомление о временном изменении маршрутов.

Марии позвонила мать.

— Ты где?

— На работе. Уже выхожу.

— По телевизору говорят, что на въезде в Москву перекрывают дороги.

— Я слышала.

— Это из-за той болезни?

Мария посмотрела на людей у входа. Один мужчина кашлял в шарф. Рядом стояла женщина с ребёнком, который просился домой.

— Мам, закрой дверь и никому не открывай без звонка. Я приеду, как только смогу.

— Ты меня пугаешь.

— Я сама напугана.

Говорить неправду было бессмысленно.

Мать выдохнула.

— Ладно. Только позвони, когда будешь ехать.

Мария убрала телефон. У служебного входа стоял Левин. Он держал в руках бумажную папку.

— Вот копия акта, — сказал он. — Ирина Павловна разрешила забрать тебе экземпляр. Только не теряй.

— Спасибо.

— Есть ещё кое-что. Охрана подняла бумажный журнал за седьмое ноября.

Мария остановилась.

— И?

— Фургон въехал на территорию в одиннадцать сорок две. Официальная цель — проверка вентиляционного оборудования. Подрядчик указан как «Северный контур».

— Кто подписал пропуск?

— Фамилия есть, но человек в тот день не дежурил. Это уже подтвердили по табелю.

Она почувствовала, как сердце ускорилось.

— Получается, пропуск оформлен задним числом?

— Пока получается, что запись требует проверки. Ирина Павловна передаст материалы официально.

Мария кивнула. Впервые за вечер она услышала формулировку, которая не была ни слухом, ни догадкой.

— Не ходи сегодня одна через служебный двор, — добавил Левин.

— Почему?

Он посмотрел на тёмные окна административного корпуса.

— Потому что кто-то знал, что ты найдёшь эти шесть минут. А теперь, похоже, знает и про фотографию.

* * *

Московская область. 22:02

Илья не спал. В отделении гасили лишний свет, но тревога делала каждый звук громче. В соседней палате застонал пациент; по коридору быстро прошли две медсестры.

Белова вернулась с пластиковым стаканом воды и небольшим пакетом документов.

— Сомов покинул больницу, — сказала она. — По крайней мере, его машина выехала за ворота. Дежурный записал номер.

— А сообщение?

— Передали службе безопасности. Пока неизвестно, кто его прислал.

Илья протянул руку за водой.

— Что в пакете?

— Ваши копии обследований. По закону вы имеете право их получить. Я не хочу, чтобы завтра кто-нибудь рассказывал вам, будто анализы существовали только на словах.

Он посмотрел на неё с благодарностью.

— Елена Павловна, у меня есть ещё одна просьба.

— Какая?

— Позвоните моим напарникам, если меня попытаются увезти. Я хочу, чтобы хотя бы кто-то знал, куда я исчез.

Белова не стала отмахиваться от этих слов.

— Давайте сначала сделаем так, чтобы вас никто не увозил без законных оснований. А потом подумаем, кому сообщать.

За окном вспыхнули отражения синих маяков. Во двор больницы въехали сразу две скорые.

Илья поднялся и подошёл к стеклу. Санитары выводили из первой машины женщину в одеяле. Она шла сама, но обеими руками придерживала шею, словно боялась повернуть голову. Из второй машины вынесли подростка.

Врач у дверей приёмного отделения что-то крикнул дежурным.

Белова взглянула на телефон. На экране появилось срочное сообщение областного штаба.

— Что там? — спросил Илья.

Она прочла его молча, затем показала ему.

«С 20:45 действует временный санитарный периметр на основных въездах в Москву. Движение эвакуационных колонн — только по согласованным направлениям. Медицинским учреждениям перейти на усиленный режим приёма».

— Красная линия, — произнёс Илья.

— Они называют это периметром.

— От названия людям легче не станет.

Телефон Ильи завибрировал.

Номер был неизвестен.

На этот раз пришло не предупреждение. Фотография.

Он открыл её.

В кадре виднелась металлическая дверь с серой краской, стёртой возле замка. Под потолком шла труба вентиляции. У основания стены лежала тонкая белая полоска, похожая на мел или свежую разметку.

Снизу было напечатано: «СЕВЕРНЫЙ КОНТУР. 07.11.2037».

Следом пришёл текст:

«Вы не первый устойчивый. Вы первый, кого успели найти».

Илья медленно сел на койку.

— Елена Павловна, — сказал он, не сводя глаз с телефона. — Похоже, всё началось не в деревне.

Белова посмотрела на снимок.

— Откуда это?

— Не знаю.

На этот раз он произнёс правду, и она прозвучала страшнее любой догадки.

* * *

Москва. 23:11

Мария ехала домой на такси. Навигатор трижды перестраивал маршрут: впереди закрывали съезды, а на крупных перекрёстках стояли экипажи полиции. Водитель нервничал и всё время поглядывал на сообщения в телефоне.

— Говорят, медведь на трассу вышел, — сказал он. — Вы видели?

— Видела только новости.

— В городе медведей не бывает.

Мария ничего не ответила. В городе не должно было быть и крыс, которые бьются головой о металлическую решётку, и служебных дверей, открывающихся без допуска.

На экране её телефона снова появилась фотография от неизвестного отправителя. Она увеличила угол снимка: на боковой двери фургона можно было различить часть надписи.

«…ВЕРНЫЙ КОНТУР».

Мария вспомнила слова Левина. Бумажный журнал. Седьмое ноября. Фургон.

Она открыла новое сообщение от Ирины Павловны:

«Дальше работаем только через официальную проверку. Утром приезжай к девяти. И никому не пересылай фото».

Мария убрала телефон. За окном проплывал знакомый город: аптеки, круглосуточные магазины, остановки с людьми под мокрым снегом.

Всё ещё работало.

И от этого становилось страшнее.

Потому что где-то за пределами освещённых улиц уже начиналась другая Москва — с перекрытыми дорогами, больницами без свободных мест и тоннелями, в которые никто не решался спускаться.

Так закончилась первая часть истории.

Никто из её героев ещё не знал, что красную линию провели слишком поздно.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ГОРОД

ГЛАВА 9
Город

Москва — Московская область. 11 ноября 2037 года.

06:12

В Москве ещё продавали кофе.

Это удивило Марию больше всего. За ночь город успел обзавестись заграждениями на въездах, тревожными объявлениями в телефонах и очередями у аптек, но маленькая кофейня возле станции «Алексеевская» открылась точно по расписанию. Девушка за стойкой протирала стаканы, а двое покупателей спорили, можно ли верить сообщениям об инфекции.

— Обычная истерия, — сказал мужчина в дорогом пальто. — Через неделю забудем.

— Тогда почему сына в школу не пускают? — спросила женщина рядом.

— Это к чиновникам вопрос.

Мария не стала заказывать. На экране над кассой шли утренние новости без звука. Под заголовком «ВРЕМЕННЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ» показывали полупустую трассу, машины скорой помощи и людей в защитных костюмах. Диктор улыбался так, словно рассказывал о ремонте эскалаторов.

На улице мокрый снег смешался с песком. У входа в метро собралась очередь: сотрудники проверяли пропуска у работников технических служб, остальных направляли к соседнему вестибюлю. Над лестницей висела новая бумажная табличка: «ПРОХОД ЧЕРЕЗ СЛУЖЕБНЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ ЗАПРЕЩЁН».

Мария остановилась перед ней. Ещё вчера такое распоряжение казалось бы разумной предосторожностью. Сегодня она видела за ним шесть минут, которых не было в журнале, фотографию фургона и неизвестного отправителя, знавшего номер её телефона.

Она посмотрела на часы. До встречи с Ириной Павловной оставалось почти три часа.

Вместо того чтобы идти в метро, Мария набрала Левина.

— Ты на работе? — спросила она.

— С ночи здесь. Не приезжай раньше девяти.

— Что случилось?

— Ничего, о чём я готов говорить по телефону.

— Ещё одна дверь?

На том конце провода послышался скрип стула.

— Мария, послушай. У нас отключили внешние подключения к части журналов. Официально — профилактика после ночного сбоя. Неофициально я не знаю ничего.

— Но копии остались?

— Те, что успели зарегистрировать, остались. Именно поэтому приезжай к Ирине Павловне. И не ходи одна в служебные коридоры.

Связь оборвалась. Мария ещё несколько секунд держала телефон у уха, слушая короткие гудки.

Её испугало не то, что Левин говорил осторожно. Он всегда был осторожным. Испугало то, что впервые за время их знакомства он не стал даже шутить.

* * *

Московская область. 06:47

Илью разбудил стук пластиковой тележки.

В коридоре отделения кто-то повышал голос. Мужчина требовал отпустить жену домой, медсестра объясняла, что выход временно закрыт. Потом заговорили сразу несколько человек, и сквозь дверь доносились отдельные слова: «ребёнок», «анализы», «не имеете права».

Илья сел на койке. Ночью он почти не спал. На столике лежали копии обследований, которые передала Белова, и распечатка уведомления о переводе. Ни на одном листе не было основания для принудительной транспортировки в учреждение, указанное Сомовым.

Он провёл пальцем по запястью. Следы от хватки Николая Зорина побледнели. Царапина, которой он опасался с самого утра предыдущего дня, покрылась тонкой корочкой. Ни температуры, ни озноба.

Ему хотелось воспринимать это как хорошую новость. Но каждое новое сообщение о людях с чёрными пятнами превращало собственное самочувствие в неприятную загадку.

Дверь приоткрылась. Вошла Елена Павловна Белова. Она выглядела так, словно ночевала сидя, и держала в руке две бумажные чашки.

— Чай, — сказала она. — Кофе закончился ещё в четыре.

— Что с теми, кого привезли ночью?

Белова поставила чашку на стол.

— Подросток стабилен. Женщину перевели в отдельный бокс. Ещё трое поступили после полуночи. Больше я пока не могу сказать.

— Они тоже из деревень?

— Один — из города. Работал на складе рядом с транспортным узлом. По словам семьи, с животными не контактировал.

Илья поднял глаза.

— Вы уверены?

— Я уверена только в том, что записано в карте. И в том, что эти сведения нужно проверять. Не превращай меня в источник слухов.

Она произнесла это резко, но Илья не обиделся.

— Сомов вернулся?

— Не появлялся. Зато прислали новый запрос на твои образцы крови. С подписью руководителя программы, о которой в нашей больнице никто не слышал.

— «Северный контур»?

— Там написано другое: «К-0». Номер проекта, не название учреждения.

Илья молчал.

— Я не отдала образцы, — добавила Белова. — Не потому, что уверена в чьих-то злых намерениях. А потому, что запрос не прошёл обычный порядок согласования.

— Спасибо.

— Рано благодарить. В девять будет комиссия. Тебя снова осмотрят и решат, как действовать дальше.

Снаружи хлопнула дверь. Кто-то закричал: «Отойдите от стекла!»

Белова первой вышла в коридор. Илья последовал за ней до порога.

Через смотровое окно соседнего бокса он увидел мужчину лет тридцати. Тот стоял лицом к стене и медленно водил по ней раскрытой ладонью, оставляя влажный след. Санитар осторожно окликнул пациента.

— Сергей, подойдите к кровати.

Мужчина не повернулся.

— Сергей, слышите меня?

Он повторил последнюю фразу санитара, сохранив даже интонацию:

— Слышите меня?

После этого замолчал.

Илья отступил. У него снова возникло ощущение, что привычный мир слегка сдвинулся со своего места. Совсем чуть-чуть — ровно настолько, чтобы человек не мог доверять собственному слуху.

* * *

Москва. 08:26

На экране городского центра управления транспортом карта выглядела почти нормально.

Зелёные линии метро. Жёлтые маршруты автобусов. Красные кружки у трёх пересадочных узлов, означавшие временные ограничения движения. Сбой можно было принять за обычное утро после снегопада, если не знать, что в нескольких точках работали бригады санитарной службы.

Мария вошла в административное здание через главный вход. Охранник попросил показать удостоверение и записал её фамилию в бумажный журнал.

— Раньше такого не было, — заметила она.

— С сегодняшнего дня будет, — ответил он. — И лучше не спрашивайте почему.

Возле лифта стоял Левин. В руках он держал папку с красной полосой.

— Ты рано, — сказал он.

— Ты предупредил меня не приезжать раньше девяти. Я решила, что лучше не опаздывать.

— Логика сомнительная.

Она улыбнулась. Он нет.

— Что случилось с копиями?

— Ирина Павловна перенесла их в закрытое дело. Это правильно. Но на сервере появился приказ удалить промежуточные файлы технической диагностики.

— Кто подписал?

— В электронной карточке указан отдел, которого нет в нашем перечне подразделений. Я проверил дважды. Приказ отменили через одиннадцать минут, но сам факт остался в журнале.

— И ты сохранил запись?

— Зарегистрировал служебную записку, — поправил Левин. — Не скачивал ничего на личный телефон. Хочу дожить до пенсии и желательно на свободе.

Они поднялись на четвёртый этаж. В коридоре пахло новой краской и дешёвым растворимым кофе. За стеклянной дверью переговорной сидела Ирина Павловна — сухощавая женщина с седой прядью у виска. Перед ней лежали распечатки, а рядом стоял запечатанный пакет для документов.

— Данилова, садитесь, — сказала она. — Нам нужно говорить без предположений.

Мария села.

— Мы проверили внешнее открытие двери седьмого ноября, — продолжила Ирина Павловна. — Команда действительно была. Регистрация доступа в обычном журнале отсутствует. Это подтверждается независимо двумя системами. Но кто отдал команду и зачем — пока неизвестно.

— А фургон?

— На фотографии читается часть надписи. Достаточно, чтобы запросить сведения о подрядчиках. Недостаточно, чтобы обвинять кого-либо в перевозке заражённых животных или материалов.

Мария кивнула. Ей хотелось услышать другое: что подозреваемые найдены, всё объяснено и теперь можно спокойно идти домой. Но каждая осторожная формулировка Ирины Павловны была честнее уверенных заявлений в новостях.

— Есть ещё одна вещь, — сказала Ирина Павловна. — До появления санитарного периметра администрация получила указание подготовить две станции к возможному размещению людей. Не общественное объявление, не приказ об открытии убежищ. Просто предварительная техническая готовность.

— Когда?

— Восьмого ноября. Утром.

Мария медленно повернула голову к Левину.

Восьмого ноября в деревне Сосновый Лог ещё обсуждали медведя, а городские службы уже готовили подземные помещения для людей.

— Откуда пришло указание?

Ирина Павловна придвинула к ней лист.

В графе отправителя стояла служебная аббревиатура. Под ней — четыре цифры, обозначавшие код заявки.

— Мы запросили подтверждение. До него это просто документ, который нужно проверить.

Мария прочитала код ещё раз. Последние два знака были нулём.

* * *

Москва. 11:03

Утренний поезд задержали между станциями на семь минут. Пассажиры сначала вздыхали и смотрели на часы, потом начали читать сообщения друг у друга через плечо.

На платформе «Комсомольской» уже стояли двое сотрудников полиции и медик в защитном халате. Мужчина у колонны кашлянул, и люди вокруг него почти одновременно отступили.

— Я не больной, — сказал мужчина. — У меня бронхит.

Никто не ответил.

У другого выхода женщина пыталась увести за собой мальчика, который отказывался отпускать руку дедушки. Дедушка ждал, пока сотрудник проверит его температуру бесконтактным прибором.

— Мам, а почему его не пускают? — спрашивал ребёнок.

— Потому что так надо.

— Но он же наш.

Женщина отвернулась.

Под землёй появилось новое правило, не записанное ни в одном распоряжении: человек мог стать чужим быстрее, чем успевал объяснить, что с ним случилось.

В это время на техническом участке в стороне от пассажирских тоннелей обходчик по фамилии Рябов остановился возле вентиляционной решётки. Несколько дней назад он замечал здесь одну крысу. Теперь за прутьями двигалось что-то серое, и ему показалось, что животных там не меньше десятка.

Рябов направил луч фонаря в темноту.

Крысы не разбежались.

Одна подошла совсем близко и упёрлась мордой в металл. На шее у неё виднелся участок голой кожи.

Обходчик медленно отступил. Он не знал ничего о скрытых лабораториях. Не видел документов К-0. Просто понял, что с животными происходит нечто неправильное.

Он вызвал диспетчера и сообщил о скоплении грызунов.

— Заявку принимаю, — устало ответили ему. — Дезслужбу направим.

— Побыстрее бы.

— У всех сейчас срочно.

Рябов хотел добавить, что одна крыса продолжает биться головой о решётку, но решил не звучать сумасшедшим. Он ушёл, а стук остался за спиной.

* * *

Московская область. 12:18

Комиссия задержалась почти на час.

Илью осматривали два врача и специалист санитарной службы. Задавали одни и те же вопросы, измеряли температуру, уточняли контакты. Он отвечал подробно. Не скрыл ни царапины на запястье, ни того, как Николай Зорин хватал его за руку.

Один из врачей спросил:

— Вы утверждаете, что не ощущали симптомов вообще?

— Утверждаю, что сейчас симптомов нет. Что это означает, я не знаю.

Специалист отметил что-то на планшете.

— Мы хотим продолжить наблюдение в специализированном центре.

— В каком именно?

— Место сообщат после оформления направления.

Илья посмотрел на Белову. Та стояла у окна, сложив руки на груди.

— Сначала объясните основания, — сказал он. — И кто отвечает за медицинское решение. Я не отказываюсь от обследования, но никуда неизвестно куда без документов не поеду.

Специалист убрал планшет.

— Вы понимаете, насколько серьёзна ситуация?

— Поэтому и спрашиваю.

Разговор прервал телефонный звонок. Сотрудник санитарной службы вышел в коридор, выслушал собеседника и вернулся заметно бледнее.

— Нам нужно закончить осмотр, — сказал он.

— Что произошло? — спросила Белова.

— В столице вводят дополнительные ограничения для отдельных транспортных узлов.

— Это мы уже знаем.

Он помолчал.

— Появились подтверждённые случаи без установленного контакта с первоначальными очагами.

Никто не заговорил сразу.

Илья посмотрел на окно. Там, за больничным двором, шла обычная жизнь: дворник расчищал мокрый снег, курьер спорил с охранником у ворот, в соседнем здании кто-то открыл форточку.

Он подумал о Николае Зорине. О его жене. О мальчике, который якобы не выходил из дома. О людях на станциях, которым ещё утром казалось, что достаточно держаться подальше от леса.

— Значит, периметр не сработал, — тихо произнёс Илья.

— Пока никто не делает таких выводов, — ответил специалист.

— Я тоже не делаю. Я говорю, что он не может объяснить все случаи.

Белова повернулась к нему. В её взгляде не было ни поддержки, ни осуждения — только усталое понимание того, сколько вопросов теперь предстоит задать.

* * *

Москва. 17:41

Мария вернулась к метро, когда над входом уже зажглись лампы. Она весь день провела на совещаниях, составляя объяснения и уточняя номера документов. Телефон почти разрядился.

На лестнице она заметила мужчину в серой куртке. Он стоял возле газетного киоска и смотрел не на прохожих, а на служебную дверь за стеклянной перегородкой.

Когда Мария подошла ближе, мужчина отвернулся и растворился в потоке людей.

Она не пошла за ним. Весь день Ирина Павловна повторяла: никаких самостоятельных расследований в тоннелях и никаких попыток задерживать незнакомцев.

Мария вошла в вестибюль, приложила пропуск и услышала за спиной короткий крик.

Охранник схватил за руку пожилого мужчину. Тот пошатнулся, уронил сумку и сел прямо на плитку. Из раскрытой сумки выкатились яблоки.

— Не трогайте меня, — хрипло сказал он.

— Вам плохо? — спросил охранник.

Мужчина поднял голову. На его шее над воротником свитера виднелись два тёмных пятна.

Один из пассажиров заметил их первым.

— Заражённый!

Толпа отпрянула от турникетов. Женщина с коляской вскрикнула, кто-то побежал вверх по лестнице. В несколько секунд обычный вечерний поток превратился в давку.

Мария увидела, как ребёнок возле турникета потерял равновесие.

Она бросилась к нему, подхватила под плечи и вывела к стене, подальше от людского потока. Охранник уже вызывал медиков и требовал освободить проход.

Пожилой мужчина сидел на полу и дрожал. Он не нападал. Не пытался никого укусить. Только смотрел на сумку, из которой продолжали катиться яблоки.

— Я домой ехал, — сказал он. — Просто домой.

Мария почувствовала, что ей трудно дышать. Не из-за инфекции — из-за того, как быстро страх сделал несчастного человека угрозой в глазах остальных.

В громкоговорителе сухой голос объявил о временном закрытии вестибюля.

Мария отошла в сторону, достала телефон и позвонила Ирине Павловне.

— У нас случай в пассажирской зоне. Медики вызваны. Люди испугались, возникла давка. Я не знаю, что у мужчины.

— Ты в безопасности?

— Да.

— Тогда оставайся там, где тебя видит персонал. Я сообщу дежурным.

Мария убрала телефон и увидела, что на экране появилось новое сообщение с неизвестного номера.

На этот раз фотографий не было.

Только две строки:

«Вы смотрели не туда.

Первую дверь открыли не для людей».

Она перечитала сообщение.

Потом посмотрела вниз, на вентиляционную решётку возле края платформенного перехода.

За металлическими прутьями что-то шевельнулось.

Мария не стала наклоняться ближе.

Она отступила на шаг, пока ещё могла убедить себя, что это всего лишь тень.

ГЛАВА 10

Точка входа

Москва. 11 ноября 2037 года.

18:06

Мария не стала подходить к решётке ещё раз.

Сначала ей показалось, что за металлом просто мелькнула крыса. Потом из темноты донёсся короткий, сухой стук — такой, будто кто-то постучал ногтем по трубе. Повторился он трижды, с одинаковыми промежутками. От этого Марии стало не по себе сильнее, чем от самой крысы.

В нескольких метрах охранники освобождали вестибюль. Пожилого мужчину с тёмными пятнами на шее уже увели медики в защитной одежде. Яблоки, высыпавшиеся из его сумки, валялись под ограждением. Одно медленно катилось от сквозняка, пока не упёрлось в ножку турникета.

Мария подняла телефон и сфотографировала решётку с расстояния. На снимке виднелись только полосы ржавчины и чёрная пустота за ними. Затем она позвонила дежурному инженеру.

— Здесь скопление грызунов возле пассажирской зоны. На техническом участке Рябов уже подавал заявку. Нужно проверить, не связаны ли эти точки.

— У нас человек с подозрением на инфекцию, Данилова. Ты хочешь сейчас послать людей за крысами?

— Я хочу закрыть проход, пока там не обследовали коммуникации. Люди стоят в полуметре от решётки.

Дежурный помолчал.

— Ограждение поставим. В тоннель никого не пущу до приезда специалистов.

— И пожалуйста, не смывайте следы до осмотра.

— Какие следы?

— Пока не знаю. Поэтому и прошу.

Она записала время разговора. Раньше подобная аккуратность казалась ей занудством. Теперь записи были единственным способом удержать происходящее от превращения в слухи.

За стеклом станции полицейская машина встала поперёк дороги. Движение вокруг входа почти остановилось. Мария вспомнила неизвестного мужчину в серой куртке. Ещё вчера она назвала бы это совпадением: человек стоит у служебной двери, потому что ждёт кого-то. Но он смотрел не на часы и не на прохожих. Он следил за входом.

Она не могла утверждать больше этого.

* * *

Москва. 19:20

Ирина Павловна ждала Марию в маленьком кабинете без окон. На столе стояли две кружки чая, к которым никто не притронулся. Монитор был повернут к стене.

— Покажи сообщение, — сказала она.

Мария протянула телефон.

Ирина прочитала обе строки, затем спросила:

— Номер записала?

— Да. Но он скрыт в журнале вызовов. Я сохранила скриншоты и передала заявление службе безопасности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.